Годовой абонемент на тот свет

Автор:
Дарья Донцова

Годовой абонемент на тот свет

Дарья Аркадьевна Донцова

Любительница частного сыска Даша Васильева #57

В жизни у Даши – головокружительные перемены! Полковник Дегтярев вышел на пенсию и решил открыть свое детективное агентство прямо на дому. И конечно же, пригласил Дашу на работу. Тут и первое дело подвернулось… Зинаиде Львовне Комаровой названивает некая молодая особа и представляется ее внучкой Варей. Только бессовестные хулиганки могут опуститься до такого цинизма! Ведь настоящей внучки Вари нет уже много лет. Пропала девочка еще в первом классе. Сказала учительнице, что за ней пришли, и бесследно исчезла. Варина мама в это время находилась у дантиста и никак не могла забрать дочь из школы. Следствие так и не выяснило, кто похитил девочку. Так чего же теперь добивается неизвестная нахалка, терроризируя Зинаиду Львовну по телефону? Дегтярев и Васильева с энтузиазмом погрузились в расследование семейных тайн Комаровых, но то, что удалось им раскопать в результате, не помещается ни в какие рамки!

Дарья Донцова

Годовой абонемент на тот свет

© Донцова Д. А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

«Если вы решили говорить всем одну правду, только правду и ничего, кроме правды, то через неделю станете безработным, холостым, всеми не любимым и никем не уважаемым».

Я украдкой посмотрела на мужчину, который только что сказал эту фразу парню лет восемнадцати-двадцати.

– Папа, это же эксперимент для курсовой работы, – ответил тот, – бабушка в курсе, что я целый месяц буду правдорезом. Так, бабусик?

Пожилая дама, сидевшая по левую руку от студента, закивала:

– Да, да! Мальчик меня предупредил. Никаких обид с моей стороны.

– Не желаю участвовать в его дурацких затеях, – отрезал отец. – Зинаида Львовна, я знаю, что для Павла у тебя отказа нет, но ему в голову часто приходят отвратительные идеи.

– Илюша, он ребенок, – попыталась урезонить сына мать, – и не он решил не врать месяц никому даже по мелкой ерунде, это задание научного руководителя, сбор материала для курсовой.

– Если сей идиотизм придумал не студент-балбес, а преподаватель, то он сошел с ума, – возмутился Илья, – и Павел – не младенец. Я в его возрасте пошел торговать в ларек, чтобы семью кормить. Не в вузе штаны протирал. Ящики с водкой, пивом таскал. Тухлых кур в растворе марганцовки полоскал, потом из них народу шаурму строгал. Метался между окошком, где сигареты, газировку и подобную чухню продавал, и грилем, в котором дохлятина жарилась. Две очереди одновременно обслуживал. В шесть утра начинал пахать, в районе двух-трех ночи заканчивал. Не спал, не ел. Зато ты, мама, не сидела у метро на ящиках, не торговала книгами из домашней библиотеки, как тогда все делали,

не голодала. А почему? Да потому, что твой сын, вчерашний школьник, знал: он единственный мужик в семье. Я осознавал ответственность за тебя. А Павел? У твоего любимчика в голове одни гулянки, беготня по кафе, приятели, девки. Теперь еще и совершенно идиотская идея говорить всем правду!

– Илюша, – попыталась утихомирить сына Зинаида Львовна, – я уже тебе объяснила: это идея не мальчика…

– Мальчика! – повторил Илья и еще сильнее разозлился. – Пойди в туалет и вытри ему задницу. Тьфу! У тебя давление зашкалило, а внук, детина здоровенная, не мог бабку к врачу отвезти! Пришлось мне все бросить и самому сюда переть! Сижу, как идиот, у кабинета, дела стоят! А все почему? Да потому, что Павел не пришей к спине ботинок!

– Абсолютно несправедливая претензия, – возразил юноша. – Как мне Зину в медцентр доставить, если машины нет? У бабушкиной тачки вчера какая-то фигня сломалась, ее в сервис отогнали. На метро ехать невозможно, душно там, воняет, одни понаехавшие в вагонах сидят. И от станции сюда полчаса пешком идти.

– Такси возьми, – огрызнулся отец.

– Денег нет, – заныл Павел, – ты мне на карточку ничего не кинул. И автомобиль мне не купил. Что делать? На спине Зину нести?

Илья схватил мать за плечо.

– Слышала? Я ему тачку не приобрел и карту не пополнил! А от метро бабке долго идти! Помнишь, как ты ногу сломала, а?

Дама молча кивнула.

– В кошельке у меня тогда дуля была, – заорал сын, – ни копейки в кармане. Что в ларьке заработал, то семья сожрала! Я на унитаз пахал! Еще не раскрутился. И ба-бах! Ты решила зимой на каблуках покрасоваться. Что делать-то? Я побежал к соседу, продал ему за бесценок видик, на который год копил и чуть от счастья не окочурился, когда его наконец купил. Заплатил Косте из

пятнадцатой квартиры, он извозом тогда промышлял, и отвез тебя в Склифосовского! Врачу и медсестрам в карман сунул, получила ты отдельную палату, доктора, фрукты, соки! А этот! Своего авто у него нет? И не будет! Карточка не пополнилась рублями? Вот тебе!

Отец сложил фигуру из трех пальцев и сунул парню под нос, потом вскочил и пошел по коридору, говоря на ходу:

– Мне пора. В офисе народ ждет. Аривидерчи!

– Илюша, ты куда? – занервничала дама.

Сын притормозил и обернулся.

– На работу, мама! Вам всем на красивую житуху деньги ковать.

– Но как я домой вернусь? – обомлела дама.

– Внучок любимый позаботится, – ответил сын. – Что ты сказала, когда Павел аттестат со всеми тройками получил? «Илья, пристрой ребенка в вуз. Заплати за обучение. Ты остался неучем, только десять классов окончил. Знаешь, как мне перед подругами стыдно? Я за Павлика не хочу краснеть». Вона как! Я тогда промолчал, а сейчас скажу правду! Возьму пример со своего сына! Слушай, мама, правду, одну только правду и ничего кроме правды. Ты из-за меня перед приятельницами-дурами краской заливаешься?

Глаза дамы сузились.

– Ладно, я тоже буду честна. Вера, дочь Кати, кандидат наук, философ, книгу написала. У Нины сын тоже диссертацию защитил, преподает в МГУ. А ты даже простого высшего образования не получил. Конечно, мне не очень приятно признавать, что ты не ровня детям подруг. Сижу, краснею, когда они о научных трудах своих отпрысков сообщают.

Илья живо вернулся к матери.

– …! Верка, распрекрасная, кандидат наук, книгу написала? Нацарапала одну брошюру и умоляла ее в моих магазинах на кассе выложить. Авось кто-нибудь купит. Ага! Третий год ее опус пылится, никому не нужен. Зарплата у нее! Кошку не прокормить! Екатерина у тебя вечно в долгу. Она доченьке деньги подсовывает, а то великая философиня от голода помрет. Про мужика, захребетника, с двумя левыми руками и зарплатой двадцать тысяч, очень умного сыночка Нины, я даже говорить не хочу. А ты счет шубам потеряла, черная икра тебе надоела, в своем «Бентли» тебе не мягко ездить. Значит, я, все-все в клюве несущий в семью, не интеллигентный хмырь? А Павлик расчудесный, который задницу себе сам подтереть не способен, получит диплом, интеллихентом станет, лучше отца типа окажется? А хрен вам! Конец! Я дерьмо? Отлично! Неча от говна ждать, что оно розами запахнет. За сына больше в вуз не плачу. Денег ему не даю. Домой меня не ждите. Никогда. Зря мать, ты решила мне правду сказать. Ох, зря! Теперь жри свою правду, не подавись! А ну, дай сюда! Верни трубку! Сам себе все покупай.

Отец выхватил у сына новый, самый дорогой айфон, помчался к лифту, вскочил в кабину и был таков.

– Бабушка, – плаксиво протянул парень, – и что теперь делать?

– Не расстраивайся, детонька, – попросила Зинаида и начала говорить по своему сотовому: – Настя, ты где? Понятно. О, нет! Все в полном порядке, никаких проблем, кроме крошечной незадачи: нам с Павликом не на чем ехать домой. Ну… Илюшу спешно вызвали в офис. Денег он мне на такси не оставил. А я, как обычно, дома кошелек забыла. Павлуша…

– Не надо врать, – возмутился внук и отнял у нее трубку. – Ма! Отец взбесился! Обматерил нас! Да ни за что! Нет, я не спорил с ним! Вообще с Зиной беседовал о своей курсовой. А он влез! Дебил! Завел, как обычно, про свою трудную юность и удрал. На меня разозлился. Это я его заставлял в ларьке пахать? Чего он вечно ко мне приматывается?!

Дверь кабинета открылась, появилась медсестра.

– Дарья Васильева?

Я встала.

Она сделала рукой приглашающий жест, я вошла в кабинет и увидела серьезного мужчину лет пятидесяти.

– Садитесь, меня зовут Игорь Николаевич. На что жалуетесь? – скороговоркой осведомился он.

– У нас в семье младенец, – начала я, – сейчас март, погода противная, все вокруг болеют, кашляют, чихают. Дочь и зять общаются с большим количеством народа. Мой муж тоже. А…

На секунду я примолкла не зная, как лучше представить Дегтярева, но тут же сообразила:

– …мой брат полковник полиции, у него в кабинете часто бывают асоциальные личности. Что можно сделать, чтобы никто в нашей семье не захворал, не принес малышке заразу? Посоветуйте что-нибудь.

Доктор почесал подбородок.

– «Посоветовать что-нибудь» не могу. Надо знать состояние здоровья членов семьи.

– Прекрасное у всех здоровье, – заверила я, – ни у кого ничего не болит.

– Охо-хо, – протянул эскулап, – недавно я выписывал справку о смерти одной своей больной. Так вот она ни на что не жаловалась. Даже не чихала. После проведенного обследования выяснилось, что у нее очень тяжелое заболевание. Конечно, я начал лечение, но, увы! Слишком поздно она пришла. Давно проходили диспансеризацию?

Я призадумалась.

– Точно не помню. Лет десять-пятнадцать назад.

– Нельзя так безответственно относиться к своему здоровью, – укорил меня Игорь Николаевич. – Давайте для начала померяем давление, посмотрим

горлышко, ну а дальше уж решим.

Спустя короткое время хозяин кабинета стал заполнять разные бланки.

– Сдадите анализы, МРТ, КТ, посетите ЛОРа, окулиста, гинеколога, онколога, невропатолога, психиатра…

– Последнего зачем? – изумилась я. – Шизофрения воздушно-капельным путем не передается, она незаразна.

Игорь Николаевич взглянул на меня поверх очков.

– Ну до сих пор точно не известно, каким образом безумие можно заполучить. И генетику еще никто не отменял.

– В моей родне нет психов, – уперлась я.

– Тысяча девятнадцатый год помните? – поинтересовался доктор.

– Конечно, нет, – засмеялась я, – родилась я значительно позже. И очень надеюсь, что не выгляжу тысячелетней женщиной.

– Если вы появились на свет, значит, ваши предки жили от сотворения мира. Нельзя с уверенностью говорить: среди моих пращуров нет шизофреников, – заметил врач. – Вам это не приходило в голову?

– Нет, – призналась я.

– Подумайте об этом, – посоветовал терапевт, вручая мне кипу листочков. – Запишитесь на ресепшен. Когда вы и члены вашей семьи обойдете всех специалистов, милости прошу ко мне. По результатам обследований мы детально поговорим.

Глава 2

Женщина в регистратуре что-то посмотрела в компьютере.

– Кардиолог может принять вас завтра в восемь утра.

– Нет, спасибо, – отказалась я, – мне лучше на вечер.

– До Нового года осталось только время до десяти.

– Так первое января уже миновало, – хихикнула я, – весна пришла. Март.

– Но январь опять настанет, – парировала администратор.

Я опешила.

– У врача запись до следующего декабря? – растерялась я.

– Михаил Борисович гений, – воскликнула администратор, – к нему со всей России и из-за границы едут. Занимайте среду, а то вообще к нему не попадете! Приехать надо к семи сорока пяти.

Я быстро произвела в уме подсчеты, поняла, что встать придется в пять, малодушно сказала:

– Я подумаю, – и отошла от окошка.

– Девушка, – раздался тихий голос.

Я повернула голову. Охранник у двери кивнул, я подошла к нему.

– Вы меня звали?

– Вас по кругу отправили? – спросил парень.

– Простите? – не поняла я.

– Костя, – представился юноша, – не женат!

И что сказать ему в ответ на это заявление?

– Добрый день. Дарья, замужем.

– Вечно так, – пригорюнился секьюрити, – если кто посимпатичнее, то уже при мужике. Я надеялся, что вы свободны.

– Еще встретите свою судьбу, – улыбнулась я, – какие ваши годы.

– Двадцать пять уже, – вздохнул Константин.

Я решила утешить «жениха»:

– Я стара для вас.

– Эх, когда у бабы деньги есть, на возраст внимания обращать не стоит, – сказал охранник, – но вы мне понравились не потому, что дорого одеты и в клинику пришли, куда бедный человек не сунется, просто вы похожи на мою маму. Не сложились у нас близкие отношения, но все равно по секрету вам скажу.

Константин огляделся по сторонам и зашептал:

– Из-за дороговизны народу тут почти нет. Вот главврач и велел докторам: «Если кто на прием пришел, пишите направления во все кабинеты. Объясняйте: «При любой проблеме необходимо пройти полное обследование». Ну и пускают посетителя по кругу. МРТ, КТ, разные специалисты, в лаборатории кучу анализов надо сдать.

– Могла бы вам поверить, – остановила я Константина, – но насчет посетителей вы ошибаетесь. У кардиолога только утро осталось, исключительно на среду. Весь год занят.

Секьюрити кашлянул:

– Верка на ресепшен всегда врет. Мало кто хочет спозаранку приходить. Пенсионерское время! В муниципальной поликлинике оно нарасхват. Но сюда те, кто на подачку от государства существует, не ходят. Здесь только богатые, знаменитые. Они хотят в обед приехать. А утро куда девать? Вот Верка и брешет про забитый график. Вы заболели? Что-то серьезное?

– Нет, не хочу вирус подцепить, у нас в доме маленькая девочка. Думала, здесь посоветуют что-нибудь повышающее иммунитет, – ответила я.

– И зачем вам тогда МРТ, КТ делать, а их точно назначили, – не в бровь, а в глаз угодил парень.

– Верно, – согласилась я, – честно говоря, мне совершенно не хочется бегать по всем кабинетам.

– И не надо, – прошептал Костя. – Где машину оставили?

– На вашей парковке, – ответила я.

– Доезжайте до метро, сверните направо, – затараторил парень, – увидите аптеку «Сила природы». Там за прилавком стоит Надежда Васильевна. Мне в подземке ездить приходится, потому что я никак удачно не женюсь. А там каждый второй с соплями, на работу наши люди любят нездоровыми ходить. Но я даже не кашлянул за весь год. Надежда шикарно подбирает нужные препараты. У нее есть специальный аппарат. За две тысячи все о своем здоровье узнаете. Она не мошенница. На стене диплом висит. Идите к ней, скажите: «Костя отправил».

В некий магический прибор, который мигом расскажет о состоянии моего здоровья, я не поверила. Но мысль купить витамины и принимать их показалась мне здравой.

Я поспешила к гардеробу.

– Дарья, – закричала администратор, – что вы решили?

– Спасибо, в восемь утра я никак не могу, – отказалась я, – приду через год, когда у кардиолога нормальное время найдется.

– Вам повезло, – донеслось от стойки, – только что клиентка на завтра на час дня отказалась. Записываю?

– Не надо, – отвергла я предложение.

– Ну вы такой везунчик, – закурлыкала тетушка, – послезавтра сию секунду образовалось время в девятнадцать!

Константин стал корчиться от смеха, а я выбежала на улицу, села в машину, добралась до метро, свернула направо и увидела вывеску: «Аптека «Сила природы». Надежда Васильевна была на месте.

– Что вы хотите? – спросила она.

– Витамины, которые уберегут всю семью от разных вирусов. У нас дома маленький ребенок, – объяснила я.

– Лена, – крикнула провизор, – постой за прилавком, сделаю даме диагностику.

– Не надо, – поспешила отказаться я, – хватит и таблеток.

Надежда Васильевна показала на большой стеклянный шкаф.

– Видите? Он весь забит иммуноповышающими препаратами. Какой вам нужен?

Я молчала.

– Диагностика позволит подобрать наиболее подходящее вам средство, – вещала фармацевт. – Это не дорого. Но, если у вас сложности с финансами, то я бесплатно проведу обследование. Нет проблем. Людям надо помогать.

Надежда Васильевна начала мне нравиться.

– Деньги есть, – уточнила я.

Провизор подняла прилавок и вышла в зал для покупателей.

– Пойдемте, нам в левую дверь.

На этот раз я очутилась в крохотной комнатке, где стоял компьютер. Мне велели держать две ручки, от которых к ноутбуку шли провода, потыкали в разные части моих ладоней палочкой. Потом фармацевт торжественно заявила:

– Вы в отличной форме. Есть мигрень, но от нее витаминов нет.

– Как вы догадались? – поразилась я.

Наталья показала на ноутбук.

– Это он, волшебник. Лучше всего вам подойдут собачки. Сейчас выдам их.

– Большое спасибо, но у нас в доме много животных, – осторожно заявила я, когда мы вернулись в общий зал.

Провизор встала за прилавок.

– Не собиралась предлагать вам щенят.

На прилавке появилась коробочка, на ней было по-французски написано: «Волшебная свора».

– Внутри таблетки в виде псов, – улыбнулась Надежда, – если в доме есть маленькие дети, то спрячьте упаковку как можно дальше, они могут за один присест слопать все содержимое. Как их принимать? По цвету. Внутри есть табличка. Например, в понедельник – фиолетовый. Утром в этот день недели принимаете, – Надежда Васильевна показала на картинку на упаковке, – вот она, собачка-баклажан. Тело на «синенький» похоже. На завтра псина тыква. Лучше купите вариант подешевле, – посоветовала провизор, – от дорогого он по качеству не отличается. Просто таблетки не рассортированы по цвету, сами разделите и сэкономите.

– И правда просто! – обрадовалась я. – Очень наглядно. Сколько с меня?

– Вот и хорошо! С вас за все, включая диагностику, три тысячи, – подвела итог милая женщина, – это если неразделенные таблетки. И шесть, если купите расфасованные.

– Зачем зря платить? – решила я.

Расплатилась, села в машину, уже хотела ехать, и тут мой айпад на сиденье звякнул. Мне прилетело письмо, которое меня очень удивило. Послание отправил Юра, муж Маши. Почему Юрец не написал мне в ватсапп?

Я нажала пальцем на экран и увидела текст: «Дашуля! Твой телефон находится по адресу: поселок Зеленый Берег, улица Овощная, дом двенадцать. У Зинаиды Львовны Комаровой. Ты сидела перед кабинетом врача, положила трубку на свободный стул и, не взяв ее, ушла на прием. А Зинаида унесла твой мобильный, решив, что он принадлежит ей. Только дома она поняла свою ошибку. Ее внук нашел в избранных контактах мой номер. Поскольку позвонить тебе нет возможности, отправляю письмо. Очень надеюсь, что ты не оставила планшетник в кафе, не потеряла его и прочитаешь послание до того, как перевернешь весь автомобиль или медцентр в поисках трубки. Юрец. Муж Маши, папа Дусеньки. Это на тот случай, если ты не вспомнишь, кто я такой.
P. S. Адрес поселка Зеленый Берег. Помнишь ресторан на Новорижском шоссе, где на тебя официантка кофе пролила? Сразу за ним поверни налево и через два километра увидишь ворота. Пропуск заказан. Карту я не отправил. Зачем она тебе? История с кофе – прекрасный навигатор.

Я закрыла айпад. Дашутка, ты, как всегда, молодец! Бросила дорогой айфон, подарок на Новый год от того же Юрца, и уехала. Тебе повезло, что трубка попала в руки честной Зинаиды Львовны, а Павел сообразил, как открыть мой телефон. Правда, пароль у меня – четыре единицы. Коря себя за рассеянность, я выехала на проспект и легла на курс.

Глава 3

– Дорогая Дашенька! – зачастила пожилая дама, когда горничная ввела меня в комнату. – Сможете ли вы когда-нибудь простить меня?

– Уважаемая Зинаида Львовна, я должна вас поблагодарить, – ответила я, – оставила трубку на стуле! Вот же рассеянная с улицы Бассейной.

– А я-то, старая дура! Схватила чужую вещь, решила, что она моя, – корила себя Комарова.

– Я давно получила медаль «Растеряха десятилетия», – улыбнулась я, – не счесть моих зонтиков, оставленных в разных гардеробах, аэропортах, туалетах.

– Зачем в сортире зонт? – изумился Павел, пивший кофе.

– Я обычно держу его в руке, – вздохнула я, – вешаю сумку на крючок, остальное кладу на бачок унитаза. А потом ухожу! Хорошо еще, если ридикюль не оставлю.

– Ох, случалось со мной и такое, – призналась Зинаида.

– Повезло, что айфон попал к вам, а Павел догадался связаться с Юрием. Спасибо вашему внуку.

– Хватит словесных благодарностей, помогите мне материально, – буркнул парень.

– Паша! – возмутилась бабушка. – Что ты несешь?

– Шутка юмора, Зинуля, – успокоил ее внук.

– Давайте выпьем чаю, – предложила хозяйка, – ох, у меня даже голова закружилась.

Павел встал и пошел к двери.

– Сейчас заварю чай.

– Внук очень заботливый, – сказала Зинаида Львовна, – понял, что мне нехорошо, и сам на кухню отправился. Хотя, замечу, он, как большинство мужчин, терпеть не может хлопотать по хозяйству.

– У вас проблема с давлением? – сочувствующе спросила я.

– Слава богу, нет, – ответила Зинаида, – я на редкость здоровый человек. Врачи, когда видят в паспорте мою дату рождения, всегда удивляются. Мне не тридцать лет, а давление как у космонавта. Просто я нервничаю немного. И погода меняется.

Мы поговорили с хозяйкой о капризах природы. Потом в комнату вошел с громадным подносом Павел. И стал методично размещать на столе блюдо с пирогом, вазу с конфетами, варенье, сахар, мед, двухэтажную подставку с пирожными. И две уже наполненные чашки.

– Попробуйте чай, – попросила хозяйка, – уверена, вы никогда такой не пили. Удивительное дело, мне в последнее время кофе просто опротивел, он приобрел странный вкус! Пью его теперь только утром. А еще неделю назад постоянно угощалась капучино.

Я послушно сделала глоток и сказала:

– Марко Поло. Черный. Фирма Марьяж Фрер. Париж.

– О-о-о! – изумилась Зинаида. – Вы первая, кто стопроцентно попал в точку.

– До того как купить дом в предместье Парижа, мы жили неподалеку от собора Сен-Сюльпис, одного из самых старых в столице Франции, – пояснила я, – фирменный магазин Марьяж Фрер находится в нескольких минутах ходьбы оттуда, там есть кафе, мое любимое.

– Идти надо мимо аптеки, – неожиданно подхватила Зинаида, – и салона, где работает очень приятный мужчина лет пятидесяти…

– Марк, – перебила ее я. – Вы живете где-то рядом? Вот это совпадение.

– Улица Мазарини, – улыбнулась Зинаида.

– О-о-о! – обрадовалась я. – Там прекрасный итальянский ресторан.

– Ну я пошел, – сказал Павел, – у вас и без меня найдется тема для разговора.

– Позови мать, хочу познакомить ее с Дашенькой, – велела бабушка. – Где она? Чем занимается?

– Или дома, или в мастерской, – пожал плечами внук, – или уехала, как обычно, ерундень покупать, деньги тратить. Ща ее карточка гавкнется, но отец на меня орать будет! На жену он пасть не открывает, а куда дерьмо деть, которое внутри кипит? На меня вылить.

– Павел! – возмутилась Зинаида Львовна. – Как ты себя ведешь!

– Просто говорю правду, – заявил внук, – одну правду и только правду. Провожу исследования для курсовой. Мать фигней занимается.

Бабушка пришла в негодование:

– Нет, вы только его послушайте!

– Правда мало кому нравится, – прищурился Паша и повернулся ко мне: – Муттер никогда ничего не делала. Всем говорила: «Я сына воспитываю». Мозг мне через уши до окончания школы высасывала. Хорошо хоть, я ее редко видел.

Зинаида хлопнула ладонью по столу.

– Павел!

– Что? – прикинулся непонимающим внук. – Хочешь сказать, что я вру?

– Тебе достались прекрасные заботливые родители… – завела Зинаида Львовна.

Внучок скрестил руки на груди.

– Бабкинс! Сообщаю правду! Только правду! Мамахен никогда со мной не сидела. Она шаталась по разным местам, а ты ее называла – шалава!

У Зинаиды Львовны в прямом смысле слова отпала челюсть, а Паша продолжал:

– Чтобы папахен ее на работу не выпер, мамахен вечно соловьем заливалась: «Мальчик сложный, проблемный, я постоянно им занимаюсь, нельзя его ни на секунду оставить!». Ага! Щаз! Зайдет в детскую, надает мне оплеух, заорет: «Учись хорошо», – и в гости! Или в театр! Или в загранку, Ле Бон Марше в Париже потрошить. Я часто забывал, как муттер выглядит! Няньки со мной возились.

– Как тебе не стыдно! – возмутилась бабушка.

– Да ни на секунду, – хмыкнул внучок, – это тебе должно быть стыдно. Я говорю правду, а ты лжешь. И чего? Бабкинс! Где я соврал? Теперь, когда я студент и говорить, что меня воспитывать надо, уже нельзя, мамахен стала сапожником.

Я подумала, что ослышалась.

– Сапожником?

– Ой, – махнула рукой Зинаида, – не слушайте Павлика. Настя – дизайнер обуви, делает очень красивые туфельки. Вот, посмотрите.

Хозяйка дома легко подняла ногу почти на уровень своего носа. Я увидела замшевую тапочку высотой до щиколотки, ее носок украшали разноцветные бусины, которые складывались в инициалы «М» и «З».

– Наша фамилия Комаровы, – начала объяснять пожилая дама. – Как вы думаете, почему около «З», первой буквы моего имени, стоит «М»?

– Не знаю, – призналась я.

– «М» – это «мама», – улыбнулась хозяйка, – мама Зина. Правда, домашние тапочки восхитительны? Самая необходимая вещь для холодного времени года!

Меня творение рук незнакомой Анастасии не восхитило. Тапки как тапки. Таких везде полно, стоят недорого. А вот высоко задранная нога хозяйки меня впечатлила, поэтому я не удержалась от возгласа:

– У вас такая растяжка! Наверное, вы занимались балетом?

Потом спохватилась и добавила:

– У Анастасии золотые руки! Очень оригинальную обувь сделала. Прямо восторг.

Павел закатил глаза.

– Правильно мой научный руководитель сказал, что все постоянно врут, каждый день по много раз. Прожить даже один день без брехни никто не может. А я взялся доказать, что это осуществимо. Месяц без лжи проведу! Дарья, мамахенские тапки вам не понравились! И ясно почему. Маманька их берет в магазе, потом всякую ерунду на них наклеивает. А бабкинс набрехала, что она в восторге от «М» и «З», мама Зина! Аха-ха! Муттер и бабкинс друг друга ваще не переваривают. Мамахен имела в виду не «мама Зина», а «мозгоед Зина».

– Паша! – попыталась остановить оголтело честного внука бабушка. – Прекрати!

– Нет, – с детским упрямством возразил студент, – слушайте правду! Че матерь с обувью проделывает? Купит туфли задешево. Дерьмо для всех! Не бренд! И давай их облагораживать! Стразами украсит, бантики приляпает. Жуть жуткая! Бее! Тошнилово. Дизайнер-фигайнер!

– О господи, – простонала Зинаида. – Ну почему ты видишь повсюду только плохое?

– А где хорошее? – ухмыльнулся Павел.

– Настину обувь взял на реализацию торговый центр «Удача», – сказала Зинаида Львовна, – за пару недель там продали все, что твоя мама сделала. Сейчас она новую коллекцию готовит! Летнюю!

Павел схватился за живот.

– Ой! Погибаю от ржачки! Бабкинс! Наивняк! Кто владелец адского места «Удача»? Дебильной конюшни с дерьмовым товаром по нереальной цене?

– Откуда мне знать? – поморщилась дама.

– Так папашкин лучший друган Никита Сорокин, – объяснил внук. – Твой сынишка вечно мне орет: «Сам всего добивайся, помогать мажору не желаю». А жене дорожку расчистил! Слышал я, как он с Никитой говорил в кабинете. Папаня ему: «Настена взялась ботинки мастерить. Она теперь модельер!» Никита в ответ: «Ну и супер! Лишь бы чем-нибудь занималась». Отец дальше: «Возьми ее творение на реализацию. Сам все куплю. Пусть вдохновится и дальше работает. Устрою потом показ ее коллекции». Сорокин заржал: «Не вопрос. Но как предложить, чтоб она не допетрила, что это ты устроил? О! Придумал. У нее инстаграм есть? Ща гляну. Точно! Вот она! Супер! Выставила несколько туфель. Е! Да их даже пьяный слон не купит!»

Паша довольно заржал.

– Про пьяного слона – сильно сказано. Сорокин какой-то бабени звякнул. Велел в инстаграме маманьки восторг выразить, предложить модельерше фиговой ее говнодавами торговать. Бабкинс, я все понятно объяснил?

Зинаида Львовна растерялась и не сразу ответила. А мне надоело слушать студента, который восхищался собой, честным, и я сказала:

– Павел! Кроме желания говорить исключительно правду, у человека должно еще быть сострадание, милосердие и понимание, что словом можно убить. Если больной человек, которому осталось жить пару дней, спросит: «Я умру?» Что ты ему ответишь, а?

– Вот-вот на тот свет уедешь, – заржал юноша, – поэтому завещание составь, квартиру кому хочешь отдай, а то после твоей смерти родня пересрется. Ну я пошел!

Теперь дар речи потеряла я.

Глава 4

– Дашенька, – смущенно пробормотала Зинаида Львовна, – Пашенька чудесный мальчик. Добрый!

– Угу, – промычала я.

– Понятно, что он так никогда тяжело больному не скажет, – продолжала она оправдывать злого и глупого внука, – это просто подростковый эпатаж! Все мы в молодости были бунтарями!

Я постаралась сохранить на лице вежливую улыбку, и тут у Зинаиды зазвонил телефон. Она схватила трубку.

– Алло! Опять! Вы мне надоели! Мерзавка!

Пожилая дама швырнула мобильный на пол и закрыла лицо ладонями.

– Вас кто-то обижает? – спросила я.

Зинаида опустила руки.

– Я слышала о существовании телефонных хулиганов. Набирают чей-то номер, любой, и задают глупый вопрос. В основном этим дети занимаются. Но эта особа! Откуда она узнала? Хотя мы не скрывали, но и всем не рассказывали. Давно ведь беда случилась. Кто о ней, кроме нас, помнить может? Понимаю, надо сообщить Никите Сорокину. Он из бывших полицейских, давний друг Ильи, самый близкий. Лет пятнадцать назад Кита ранили, пуля засела в таком месте, что ее нельзя было удалить. Сорокин как на бомбе сидел, не знал, когда и что с ним случится, если она вдруг сдвинется. Но он очень сильный человек, я помню его совсем маленьким мальчиком. Мы жили на одной лестничной клетке, отца и матери у паренька не было, его воспитывала Тонечка, тетя. Куда родители малыша подевались, я никогда не спрашивала. Кит рос воспитанным, аккуратным, учился прекрасно. Но, когда ему исполнилось двенадцать лет, Антонину машина задавила. Сироту отправили в интернат. Будто мало ему горя отмерили, так он еще и единственной родни лишился. Я договорилась с директрисой детдома, душевная оказалась женщина, она разрешила мне Никиту на выходные

забирать. Парнишка был золотой! Ни разу не пожаловался на судьбу, не плакал, не хныкал. Досталось ему! Когда его из полиции убрали, я думала, не дай бог, пить начнет. Дело всей жизни потерял. Но нет! Никита в бизнес ушел, сейчас владеет сетью магазинов.

– Сорокин работал с Александром Михайловичем Дегтяревым, – пробормотала я.

– Верно, – удивилась Зинаида. – Откуда вы знаете?

– Дегтярев мой близкий друг, – пояснила я, – мы живем в одном доме. Сразу скажу: я состою в счастливом браке с профессором Маневиным. С полковником мы только друзья и никогда ни в какие другие отношения не вступали. Никита у нас порой гостит. Правда, сейчас реже, чем во время службы в полиции.

Зинаида раскрыла объятия.

– Вы Даша Васильева? Владелица особняка в Ложкине?

– Да, – подтвердила я.

– Господи, я же вас прекрасно заочно знаю! – обрадовалась пожилая дама. – Кит часто рассказывает о ваших собаках, о том, как вы… э… любите читать детективы.

Я рассмеялась.

– Зинаида Львовна, Павел призывал вас говорить правду. Сдается мне, вы хотели сказать: «…о том, как Дарья вечно пытается сама заняться расследованием и доводит полковника до потери пульса». Вас беспокоит телефонный террорист?

Хозяйка молча кивнула.

– Не надо на него кричать… – начала я.

– Мне звонит женщина, – поправила Комарова.

– Пол подлого человека значения не имеет, – отмахнулась я, – номер телефона сохранился? Хотя это глупый вопрос. Ясное дело, он не определяется. Но зря мерзавцы полагают, что, скрыв данные, можно совершать любые пакости. Побеседуйте с Никитой, он быстро найдет мерзавца. Мало ему не покажется!

Пожилая дама потупилась.

– Понимаю, что об этом лучше всего сообщить Киту. Но я не могу.

– Почему? – удивилась я.

Зинаида всхлипнула.

– Он тут же доложит Илюше. А сын уже один раз пережил этот кошмар, во второй не надо.

– Это шантаж! – осенило меня. – Кто-то требует денег?

Комарова неожиданно улыбнулась:

– Я веду простую жизнь. Меня нечем шантажировать. Один муж. Никаких любовников. После смерти Павла Ильича мне пришлось выйти на работу. Я преподавала в школе домоводство, разной ерундой занималась. Кое-как держалась на плаву. Вот Павлуша обижен на отца за то, что тот его захребетником величает. Это некрасиво, конечно. Думаю, он Павлику завидует, у того веселая студенческая жизнь, а Илья с ранних лет работать пошел. Нет, хулиганка не требует денег. Все намного хуже, чем некая моя тайна, которая выплыла на свет божий. Да и кому я интересна? Я не певица, не знаменитость, обычная женщина. Особа, которая уже не первый раз мне трезвонит, врет, что она Варя, моя внучка! Но девочка пропала. Это страшная история. Простите, вам все это не интересно.

– Расскажите, – попросила я, – иногда надо выговориться.

Зинаида словно ждала моих слов, она начала рассказ.

Замуж она вышла рано, ее избранником стал Павел Ильич Комаров, далеко не молодой доктор наук, математик, который жил в своем мире. Он был состоятельным человеком, владельцем огромных хором в центре Москвы, которые получил от родителей в наследство. Три комнаты в них целиком занимала библиотека.

Узнав, с кем Зина решила соединить свою судьбу, ее родственники были шокированы. Близкие и друзья восприняли идею брака в штыки, проводили с ней беседы, говорили ей всякое-разное. «Твой избранник дожил до седых волос, но ни разу не женился, наверное, он импотент», – воскликнула одна из подруг. «Да он просто спит с мужиками», – заявляла другая. «Зина, опомнись, ему лет, как самой старой черепахе, – зудела соседка, – тебе его придется в инвалидной коляске возить, горшок за ним выносить. С ума сошла? Оглянись, вокруг полно молодых ребят!» Но девушка никого не слушала, она любила Павла Ильича.

Свадьба Зины походила на похороны. Близкие не стали игнорировать торжество, пришли в ресторан. Как требуют приличия, они принесли букеты, подарки, говорили нужные слова. Но выражение их лиц…

А Зина была очень счастлива. Ее жизнь превратилась в радостное служение супругу, который вопреки злым прогнозам не был импотентом, не интересовался мальчиками, много зарабатывал и, как умел, демонстрировал супруге свою любовь. Не один год после похода в загс супруги прожили бездетными, а потом, о радость, на свет появился Илюша.

Глава 5

На семидесятилетие профессора, которое семья праздновала в ресторане с размахом, собралось много людей. Все говорили тосты, в конце концов с места подняли Зину. Жена юбиляра в полной тишине произнесла:

– У меня самый лучший муж на свете. Спасибо ему за все. Я получаю от него столько счастья, что его хватило бы на десятерых женщин.

Через год Павел Ильич скончался, просто заснул и не проснулся. Как прошли похороны, поминки, вдова не помнила, нашлись люди, которые все организовали, им просто дали денег. На девять дней народу собралось мало. А сороковины отмечали только Зина и ее сын-школьник. Она не думала о том, где взять деньги, всегда просто запускала руку в коробку, которая стояла у мужа в кабинете, и продолжала это делать, став вдовой. В один отнюдь не прекрасный день жестянка вдруг опустела. Зиночка растерялась. Ей как-то не пришло в голову, что раз нет супруга, то и его зарплаты нет. А тут оказалось: не на что батон хлеба купить. И что делать? Зина пошла работать, нанялась в школу библиотекарем, потом стала вести уроки домоводства. Денег платили мало, общение с детьми не радовало. Теперь Зине приходилось экономить на всем. Она часто плакала по ночам. Поверьте, это были черные-пречерные годы. А Илья тем временем рос, перешел в выпускной класс. И решил поднимать свой бизнес.

Он быстро продал все ценное, что имел: велосипед, часы, магнитофон, взял в аренду ларек и стал торговать всякой всячиной.

Шло время, Илья начал зарабатывать приличные деньги, открыл несколько магазинов. Жизнь устаканилась. В ней даже появилась радость. У Ильи случилась любовь с Настей, с девочкой-умницей, золотой медалисткой. Она окончила институт легкой промышленности, хотела стать конструктором одежды. Настенька прекрасно шила, вязала, строчила обновки Илье. Зинаида поняла – дело явно идет к свадьбе, и спросила у сына:

– Тебе нравится Настя?

– Ну да, – ответил Илюша.

– Не торопись с женитьбой, – попросила мать.

Парень удивился.

– Почему?

– Ты только недавно стал прибыль получать, – пустилась в объяснения Зинаида Львовна, – мы едва голову из нищеты высунули. Какая семья? Ее содержать надо! И вдруг ребенок родится? Наследник – дорогое удовольствие.

– Детей планируют, – заметил Илья, – можно прибегнуть к разным способам.

– Вот и прибегни, – отрезала Зина.

Через полгода Илья сказал матери:

– Настя беременна.

– Как? – не сдержала недовольства Зинаида. – Вы не предохранялись? Вот уж беспечность!

– Похоже, ты совсем не рада, – заметил Илья.

Зинаида опомнилась.

– Что ты! Я счастлива! Просто сразу подумала об организации свадьбы. Надо поторопиться с женитьбой, а то у Насти живот появится. Неудобно: белое платье, фата – и беременная.

– Можно сшить наряд не в талию, – отмахнулся жених.

– Не об одежде думаю, о людях, – уточнила Зина, – начнут судачить, что невеста до свадьбы в койку легла.

Илья рассмеялся.

– Мать! Мы не в девятнадцатом веке живем.

– Все равно, давай поторопимся, – не сдалась будущая свекровь.

Пара расписалась, когда у Насти шла десятая неделя беременности. И дальше потекла семейная жизнь. В положенный срок на свет появился сын Паша. Илья днями и ночами носился по Москве и области, поднимал бизнес. Настя еще не получила диплом, а он ей был необходим, невестке пришлось ходить на занятия, сдавать зачеты, экзамены. Угадайте с трех раз, на чьих руках оказался младенец? Павликом занялась Зина. Через несколько лет родилась Варя, вот ей

наняли няню, Зина одна с двумя не могла управиться. Варенька пошла в первый класс. А потом случилось страшное.

Утром Илья отвез дочь в гимназию и занялся своими делами. Настя, как обычно, встала около полудня и заперлась в своей ванной. Зина в районе часа дня отправилась прошвырнуться по магазинам, она хотела купить себе удобные туфли. Выбор обуви – дело непростое, Комарова проходила целый день, устала. Около восьми вечера она приехала домой, не чуя под собой ног, вошла в квартиру и столкнулась с горничной Миленой, которая собралась уходить. Несмотря на стабильное финансовое положение, у Комаровых не было штата прислуги. Илью раздражало постоянное присутствие в доме посторонних людей. Водителей не было, все, включая Зинаиду, сами сидели за рулем. Если нужен водитель, то Илья присылал кого-то из тех, кто обслуживал его офис, или член семьи садился в такси. Няня и домработница Милена были приходящими, не жили в квартире, не оставались на ночь.

– Все поужинали? – привычно осведомилась хозяйка.

– А никого нет, – ответила горничная. – Анастасия договорилась пойти к дантисту. Она позавчера вас предупредила, что с двух часов дня до ночи у протезиста просидит. Просила вас забрать Варю из школы, она не сможет это сделать.

– Боже! Совсем забыла! – ахнула Зинаида Львовна.

И бросилась в гимназию. Там никого не было. Зинаида позвонила учительнице. Та ответила:

– Варю забрала мама.

Зина выдохнула и поспешила домой.

В квартире никого не оказалось. Зинаида удивилась, и тут вернулась невестка, бледная до синевы.

– Что с тобой? – спросила свекровь.

– Боже, – простонала Настя, – обточка зубов – это ужас! Весь день сидела в кресле с открытым ртом. Так тяжело, думала, что умру!

– Где Варя? – перебила ее Зина.

Невестка перестала жаловаться.

– Ее дома нет? Значит, она в школе!

– Там сказали: «Ее забрала мать»! Я подумала, что ты только что взяла дочку, мы просто разминулись, – обомлела бабушка.

– Я? – поразилась Настя. – Еще позавчера просила тебя забрать вечером девочку. Предупредила: иду к стоматологу надолго. Устану, измучаюсь.

Зина бросилась опять звонить учительнице. Та, узнав, что Вари нет дома, перепугалась, но ничего нового не сообщила. В ее изложении ситуация выглядела так. Занятия в классе Вари завершились в полдень. Дети отправились на прогулку, обед ждал их в полвторого, минут через пятнадцать после выхода на улицу ученица Комарова подбежала к педагогу со словами:

– За мной пришла Настя. Можно я пойду?

– Конечно, – согласилась преподавательница, которая знала мать Вари.

Все, больше Варю никто не видел, она исчезла навсегда.

Зинаида Львовна прервала рассказ и отвернулась к окну.

– Имя «Настя» распространенное, – сказала я, – возможно, малышка отправилась с кем-то, кого так же звали. Классная руководительница подошла к той женщине?

– Нет, – вздохнула Зина, – не удосужилась. Я связалась с Никитой, он тогда служил в милиции. Сорокин всех на ноги поднял. Результат – ноль. Стояла теплая погода, группы продленного дня гуляли в парке, который прилегал к школе. Дети взяли с собой портфели. Не все оставались на продленке.

Периодически кто-то из ребят подходил к учителям и кричал:

– Мама пришла. Я побежал.

– Иди, иди, – отвечали те.

Преподаватели устали, хотели пообщаться, отвлечься от работы. Как потом выяснилось, они всегда нарушали правила, не проверяли, с кем уходит ребенок. Верили на слово ученикам. Лень им было вставать, проверять.

Зинаида Львовна резко выпрямилась.

– Варюша как сквозь землю провалилась. Ее никто не видел. Ни дежурная в метро, ни продавщицы газет, мороженого, чьи ларьки стояли в парке. Я обегала с фото девочки весь район, опросила тех, кто постоянно там гулял: собачников, мам-нянь с детьми. Никто ничего сказать не мог! Опросили всю школу: детей, педагогов, родителей. Трясли подружек Вари. Проверили Анастасию, хоть я не сомневалась, что невестка ни при чем. Стоматолог подтвердил: в то время, когда Варя с какой-то Настей непонятно куда ушла, ее мать сидела в кресле под бормашиной. Вот так.

– Ужас, – выдохнула я.

– Когда говорят, что у кого-то умер ребенок, – сказала Зинаида, – мне становится бесконечно жалко эту семью. Но потом я думаю: они хоть знают, что с бедняжкой! А я… до сих пор надеюсь… вдруг откроется дверь и появится Варюша с ранцем за спиной: «Бабулечка, я кушать хочу». Хотя какой ранец! Она уже окончила бы школу. Кто-то очень жестоко шутит со мной. Я не самый добрый человек на свете. Могу разозлиться, вспылить, наговорить всякого. Слабое оправдание: первая я не начинаю скандалить. Но вот ответить могу, хотя очень стараюсь держать себя в руках. Может, я когда-то женщину, которая Варюшу увела, чем-то обидела? Прошло много лет! Я понимаю – Вари нет. И вдруг! Телефон! Звонит уже не впервые, женский голос говорит: «Бабуля, это Варя. Хочу спросить, как дома дела?» Я сразу бросаю трубку. Все.

Глава 6

– Спрашивает «Как дома дела?», – повторил Дегтярев.

Я кивнула.

– Именно так. Зинаида сказала, что поисками занимался Никита. А вы тогда работали вместе. Помнишь дело о пропаже Варвары Комаровой?

Полковник поморщился.

– Нет. Много лет прошло. Запрошу документы в архиве.

– Странно, что звонить стали сейчас, – пробормотала я, – может, Зинаида прибегала к помощи разных якобы специалистов? Вроде ясновидящих. И кто-то из них начал хулиганить?

Дегтярев встал с дивана.

– С момента пропажи девочки прошло много лет. Разного рода мошенники, колдуны, гадалки, экстрасенсы, которые обещают найти пропавшего человека, вся эта шушера обычно суетится, когда только случилась беда. В первые дни и недели они атакуют родственников. В конце концов пострадавшие понимают: эти не помогут. И перестают реагировать на предложения: «Отыщу вашего родственника стопроцентно, дорого…» К сожалению, если сразу сказать матери-отцу: «Не связывайтесь с подлецами», услышишь весьма неприятные слова о неспособности полиции хоть что-то сделать. А вот колдун, он точно найдет.

Дегтярев махнул рукой:

– Но я не занимаюсь и не занимался поиском пропавших. Никита тогда не в моем отделе работал. Выкуп просили?

– Зинаида Львовна ни слова о требовании денег не сказала, – протянула я.

– Если Комарова ничего не сообщила о выкупе, то не факт, что о нем не говорили. Зинаиде угрожают? – спросил полковник.

– Похоже, нет, – ответила я. – «Варя» просто хочет узнать, как дела. Денег не просит, в семью не лезет. Только побеседовать желает.

– Эге. Потом она скажет: «Я угодила в рабство», – буркнул Дегтярев, – а теперь, значит, освободилась или сбежала. Конечно, всякое бывает, однако не очень верится в подобное. Давай поступим так: я раздобуду старое дело, потом поговорю с Зинаидой.

Я обомлела:

– Что ты сделаешь?

У Александра Михайловича затрезвонил телефон, он схватил трубку.

В комнату Дегтярева заглянул Юра:

– Даша, тебя ищет Собачкин. Поскольку ты не подходишь, он на городской звякнул.

Я посмотрела на Дегтярева, который молча слушал кого-то, и поспешила на первый этаж.

– Чем ты занимаешься? – с места в карьер стал возмущаться Сеня. – Почему не отвечаешь?

– С полковником разговаривала, а моя трубка в столовой осталась, – принялась оправдываться я.

– А! Тогда ты в курсе, – обрадовался Сеня. – Ну согласна?

– На что? – спросила я.

– На все!

– Звучит заманчиво, – хихикнула я, – но хочется все же выяснить: «все» – это что?

– Александр Михайлович босс, – зачастил Сеня, – я его зам, Кузя, понятно, техотдел. Ты оперативный работник. Пока так. Дальше – как пойдет.

– Ничего не понимаю, – пробормотала я. – Почему ты заместитель Дегтярева? А куда денется Коля?

– Ты о ком? – удивился Сеня.

И тут меня осенило:

– Ты на дне рождения у Толи? Угостился по полной? Вроде не хотел идти.

– И не пошел, – заявил приятель. – О! На кухне что-то шипит. Елы! Каша! Геркулес!

Раздалось несколько коротких гудков, и звук пропал.

Ничего не понимая, я вернулась в комнату к Дегтяреву и услышала, как он говорит кому-то по телефону:

– Да, счастлив до умопомрачения. Наконец от идиота избавился. Прямо праздник! Все! Потом поговорим.

Поскольку ласковым словом «идиот» в последние несколько лет толстяк называет только одного человека, я обрадовалась:

– Твоего начальника уволили!

– Нет, – хмыкнул полковник, – он остался и расцвел розой. Убрали меня.

– Тебя перевели? – спросила я. – Куда?

– На пенсию, – расцвел Александр Михайлович.

Я открыла рот. Потом закрыла. Снова открыла и промычала:

– Э-э-э-э-э…

– Перестань! – велел толстяк. – Я давно знал, что это случится. Подготовился. Просто буду делать то же самое в другом месте.

– Где? – отмерла я.

– Создам детективное агентство, – заявил Александр Михайлович.

У меня опять парализовало голосовые связки. Несколько лет назад у Дегтярева появился молодой ретивый начальник, который решил полностью изменить работу всех подведомственных ему структур. Действовал он по принципу большевиков: «Мы наш, мы новый мир построим…» – и стал увольнять опытных сотрудников. Зачем избавляться от тех, кто давно занимается поимкой преступников и делает это весьма успешно? Так они не современные, не пишут молодому начальнику электронные письма, а лезут в кабинет с разговорами. Не хотят по выходным коллективно бегать по полю с игрушечными автоматами, и плевать им на день «Единства сотрудников», который придумала новая шишка. «Старички» и психотерапевта дружно проигнорировали. А вот в ФБР все непременно ходят к душеведу. Новый начальник брал с американских коллег пример. И ладно бы «дедушки» молча саботировали мероприятия резвого самодержца. Так нет же! У них языки были без костей. О чем они рассказывали? Вот вам одна история. Когда новый начальничек впервые зашел в прозекторскую и увидел на столе симпатичного утопленника, который несколько суток провел в воде, то зажал нос, попятился… и тут к нему подошел Леня с лотком в руке. Медэксперт начал что-то говорить, но до конца высказаться не успел, потому что новоиспеченный шеф рухнул в обморок. Конечно, Леониду надо было по-тихому привести босса в чувство и молчать о его конфузе. Но Ленька мигом разнес новость по подразделению. А через несколько месяцев ушел со службы. Нет, его никто не гнал. Леня гениальный патологоанатом, он может разобраться в любом, даже очень сложном случае. Но эксперт не любит заниматься пустяками, он всегда говорит: «Если человек подавился куском хлеба, с этим прекрасно разберется мой ученик. Начну разбрасываться по мелочам, закопаюсь в работе, которая и студенту по плечу. А что-то очень сложное достанется практиканту, и беда случится! Все знают, что мне не стоит давать что-то простое». Но после того как Ленька во всех буфетах в лицах изобразил уход шефа в астрал, его завалили пустяками. В результате он потерял самообладание и швырнул начальнику на стол заявление об уходе. Справедливости ради замечу: этот трюк Румянцев проделывал и раньше, но прежний шеф Владимир

Андреевич разрывал его заяву на мелкие кусочки и говорил:

– Леня, не истери! Я что, по-твоему, дурак, гениального специалиста отпущу? Ступай в морг, работай! Леня, нам без тебя никак!

Вероятно, Ленька ждал похожих слов от нового босса, а тот мигом подмахнул бумагу и торжественно произнес:

– Жаль расставаться с вами. Но раз уж вам невмоготу, то я не имею права вас задерживать.

Так вот, когда Леня очутился на улице, я пришла к Дегтяреву с предложением:

– Есть идея. Хочу открыть детективное агентство. Но мне, никогда не служившей в МВД, лицензию не дадут. Ты постоянно жалуешься, что босс глупец, работать с ним невозможно. И вообще у тебя на носу пенсия. Оформи агентство на себя, станешь моим начальником. Подобрался прекрасный коллектив: Собачкин, Кузя, Леня и я. Сам кого-нибудь еще приведешь! Начнем с малым коллективом, а там, глядишь, расширимся.

Все, что сказал мне в тот день Дегтярев, я здесь привести не могу. Если кратко, то суть его выступления такова: частные детективы – поголовно неудачники, которые занимаются выслеживанием неверных супругов. Этих «Шерлоков» выперли из полиции за пьянку, глупость и лень. Александр Михайлович скорей застрелится, чем займется любительщиной. Кузя и Собачкин – два дилетанта, но считают себя мегапрофессионалами. Леня, спору нет, хороший эксперт, однако характер у него такой, что в морге все кактусы завяли. Дарья – шебутная, безумная дамочка, работать с ней согласится только мужик без головного и спинного мозга. И вообще, его, Дегтярева, никогда не отправят на пенсию, потому что замены ему не найти. Второго такого умного, проницательного полицейского на свете нет. И не будет. Никогда!

Я ушла от Дегтярева в расстроенных чувствах, с обострением комплекса неполноценности. И вдруг! Он говорит сейчас прямо противоположное: Сеня, Кузя, Леня и даже я – замечательные люди, из которых Дегтярев воспитает спецов экстра-класса. Александру Михайловичу придется потратить уйму нервов и сил, но все вышеперечисленные заткнут за пояс любого профессионала.

– Прямо сейчас беремся за дело. Находим бабу, которая издевается над Зинаидой Львовной, – вещал тем временем толстяк.

– Подожди, – остановила я его, – так с бухты-барахты нельзя, нужна лицензия, регистрация агентства.

Толстяк взял со столика папку.

– Уже все готово, подписано, можешь изучить. С моими связями я за пять секунд все оформил.

В полном обалдении я прочитала бумаги и поинтересовалась:

– Почему такое странное название у агентства?

Александр Михайлович мигом вскочил на боевого коня и стал размахивать саблей.

– Я сам его придумал. Оно полностью отвечает главной идее агентства.

Я вздохнула. Интересно, какая у нас главная идея?

– Концепт агентства переворачивает сознание человека, – пел явно с чужого голоса Дегтярев, – перелопачивает его мозг.

Перед моим мысленным взором возник мужик лет сорока, держа в руках лопату, он подошел ко мне. Через секунду лопата оказалась внутри моей черепной коробки. И стала медленно поворачиваться.

– Оцени тонкость и красоту названия, – курлыкал полковник.

Я потрясла головой и перевела взгляд на папку.

– Агентство «Тюх»! Это аббревиатура?

– Читать умеешь? – мигом взлетел на метле полковник. – Не тюх! Нюх!

Я заморгала.

– Нюх?

– Да!

Мое удивление не уменьшилось.

– Но почему так?

Дегтярев набрал полную грудь воздуха.

– В советские годы милиционеров обзывали «легавыми», потому что они, как быстролапые охотничьи собаки, нацеленные на поиск дичи, всегда бежали по следу. Не отставали, пока не находили преступника. Чуешь?

– Нет, – призналась я. – А что чуять надо?

– Легавые – собаки – нюх! – гордо провозгласил толстяк. – Отличное название. Оно демонстрирует нашу приверженность лучшим традициям советских лет и…

– Но здесь написано «Тюх», – прервала я Дегтярева.

Тот закатил глаза.

– Читать разучилась?

– Кто писал бумагу? – задала я свой вопрос. – Ты нанимал адвоката?

– Вот еще, – фыркнул полковник. – Отдать большие деньги? За что? Сам справился! Да там делать нечего! Конечно, кто другой год бы справки собирал. А я только зашел в кадры, и девочки все сделали.

– Прочитай внимательно. Обрати внимание на зарегистрированное название агентства, – попросила я.

– Нюх! – отрезал Дегтярев. – Коротко, емко, с тонким юмором, который привлечет народ. У других, глупых лентяев, названия вроде «Поиск», «Детектив», «Сыщик», а у меня – «Нюх». Сразу ясно: это агентство лучшее из лучших, сотрудники разнюхают даже цвет наволочек в гареме эмира бухарского.

И тут в комнату вошла Маша.

– Мусик, ты купила нам какое-нибудь средство, чтобы не принести в дом заразу?

– Да, – кивнула я, – большую семейную упаковку. Сейчас всем раздам. Сделай одолжение, на журнальном столике лежит документ, прочитай его.

Маруся взяла листок и вскоре воскликнула:

– О! Детективное агентство! У вас получится. Вот только… Мусик!

Манюня замолчала.

– Говори, не стесняйся, – велела я. – Что не так?

– Только не обижайся, – пробормотала Маша, – понимаю, ты хотела пошутить. Но помнишь советский мультик про капитана Врунгеля? «Как вы лодку назовете, так она и поплывет». На мой взгляд, наименование фирме нужно подобрать попроще, потенциальный клиент сразу должен понять, чем сотрудники занимаются. Недавно я видела в магазине упаковку, на ней было написано: «Динозавры». Находись она в отделе игрушек, удивления не вызвала бы. Но коробка лежала в холодильнике в отделе замороженных продуктов. И что там оказалось? Пельмени!

– Вот оно, лишнее доказательство моей правоты, – обрадовался полковник. – Название привлекло! Мимо пачки со словом «Пельмешки» пройдешь. Сколько штук ты купила?

Маруся засмеялась.

– У меня в голове вопрос возник: вкусняшки слепили из какого-то диплодока, чьи останки обнаружили в вечной мерзлоте? С какой радости «Динозавры»? Зачем

производитель изгаляется таким образом? Почему не написал «Пельмешки»? Небось барахло выпустил, иначе зачем идиотским наименованием потребителя привлекает! Между прочим, мы вообще готовые пельмени не покупаем. И уж точно мне в голову не придет нечто из тираннозавра сляпанное приобрести. И зеленый горошек с названием «Страстная ночь» я не прихвачу. И йогурт «Радость кисоньки-мурлысоньки» в магазине оставлю! Разве я кошка? У пиар-службы креатив обострился. Тулетная бумага «Нежный цыпленок»! Мусик, прости за откровенность, понимаю, что ты хотела как лучше! Но клиенты в сыскное агентство «Тюх» не побегут. У меня сразу всплывает в голове детская песенка: «Тюх-тюх, чух-чух, раскалился наш утюг и сломался. Ух-ух-тюх-тюх». Еще паровоз на ум приходит. Ты забыла, что есть слово «тюха»? Нужен мне детектив тюха? Неповоротливый увалень с двумя левыми руками? Навряд ли.

– Там напечатано «Нюх»! – взвыл полковник.

– «Тюх», – возразила Маша.

Дегтярев выхватил у Маруси документ, а я удрала на первый этаж. Манюня – единственный человек на свете, который может остановить истерику полковника, купировать его гнев. Думаю, Александр Михайлович, который сам готовил документ, просто не туда потыкал пальцем, и вместо «Нюх» получилось то, что получилось. Поздно пить боржоми. Название зарегистрировано. Значит, у нас агентство «Тюх». Может, еще сделать логотип: паровоз образца тысяча восемьсот тридцать третьего года, тот, что придумали отец и сын Черепановы. Слоган написать: «Едем медленно, но уверенно».

– Дарья напутала, – раздался со второго этажа вопль Дегтярева, – поменяла название, когда бумагу читала! У меня точно было – «Нюх»!

Ну вот, главное – найти того, кто так напортачил.

Хихикая, я вынула из сумки упаковку с лекарством и начала изучать инструкцию.

«Вы приобрели самое лучшее средство для повышения иммунитета детей, взрослых, стариков, собак, кошек и других животных». Похоже, производители считают детей, взрослых и стариков зверушками. Но не будем придираться к фразе. Что там дальше? «Вы купили экономичную упаковку. Ради уменьшения цены мы не разделили содержимое. Для удобства пользования нужно разложить

таблетки по цветам. Советуем поместить все разновидности в плотно закрывающиеся емкости. И каждый вечер принимать по 1 штуке до ужина! Стакан воды…» Следовало перевернуть страницу, но я решила остановиться. И так все ясно. Выпейте стакан воды. Далее, как водится, пойдет реклама. Странно, что инструкция начинается с описания того, как принимать витамины. Обычно об этом сообщается в конце, чтобы человек хоть одним глазом да прочел рекламу.

Я вскрыла пакет из фольги и приуныла. Ну и ну! Фигурки все перемешаны. Помнится, бабушка усаживала маленькую Дашу перебирать гречку. Во времена моего детства крупа продавалась грязной, с мышиным пометом и кусками непонятно откуда взявшегося дерева.

– Почему Саша кричит? – спросил Феликс, входя в столовую.

Я рассказала мужу про агентство.

– Тюх, нюх, – вздохнул супруг, – смысла негодовать нет. Что сделано, то сделано. Если о вас появятся положительные отзывы, название роли не играет. Мы же ходим в стоматологическую клинику «Голливуд». И аналогия с голливудской улыбкой не всем в голову приходит. Но мы только там лечим зубы, потому что врачи в клинике прекрасные, а владелец, протезист Аркадий Залманович Темкин, истинный гений. Что в коробочке? Лего? Очень мелкие детали, Дунечке нельзя их давать, еще проглотит.

– Поесть дадут? – поинтересовался Юра, садясь за стол.

– Через пять минут, – крикнула из кухни Нина. – Дуняша только что заснула! Надо подождать Машеньку с полковником.

– Не надо, – сказал Юра, – Александр Михайлович раскричался, Маруся пытается его утихомирить. Сразу у нее не получится. Чем ты занимаешься? Пазл складываешь?

– Витамины сортирую, – вздохнула я, – надо было купить не смесь, а каждый по отдельности. Да аптекарша посоветовала взять подешевле!

Юра улыбнулся:

– Не стоит приобретать лекарства по скидке.

– Товар не уцененный, – объяснила я, – просто витамины не расфасованы. Вот вам по штучке. Написано: их принимают вечером.

Феликс взял одну «собачку».

– Странно, обычно всякие добавки употребляют по утрам.

Я помахала инструкцией.

– А здесь специально указали: проглотить надо перед ужином, потом обязательно выпить стакан минералки.

– Хорошо, – согласился Маневин, положил в рот витаминку и запил водой.

– Ну как? – спросила я.

– Слишком сладкая, – поморщился муж и опустошил еще один стакан, – такое ощущение, что слопал бочку меда.

– Ты, наверное, съел что-то соленое, – предположила я.

– Удивительно, что небольшая пилюля вызвала такой эффект. Винни Пух, который опустошил все ульи в округе, не испытывал такой жажды, – заявил мой профессор и залпом осушил еще одну бутылку.

В столовую спустились Маша и полковник.

– Саша, ты заболел? – забеспокоился Маневин. – Весь красный, потный!

– Все нормально, – сказала Маша и сделала страшные глаза.

Юра посмотрел на нее.

– Понял, нам не стоит спрашивать Александра Михайловича, почему он похож на помидор, который парился в бане! Ой!

Я бросила взгляд на лицо Маруси и поняла, почему Юрец испугался. Думаю, жена ему потом наедине объяснит, что кое-что не стоит объявлять во всеуслышание.

– Запеканочка, – пропела Нина, вынося из кухни блюдо. – Господи! Что с вами?

Глава 7

– Все отлично, – сказала Манюня, – нет повода для беспокойства!

– Ой! Прямо жуткий вид, – пролепетала Пантина, – живот размером с гору!

Я решила вмешаться:

– Полковник никогда не отличался стройностью. Он крупный мужчина. Но он представитель сильного пола и не должен походить на комара!

– Зря подлизываешься, – мрачно сказал Дегтярев, – потом поговорим, обсудим кое-что тет-в-тет! Лоб в лоб. Между прочим, за последний год от постоянной нервотрепки, из-за отсутствия спокойствия что дома, что на службе я здорово похудел! Весы показали потерю четырехсот граммов.

– Кое-кто, наверное, не пописал перед тем, как взвеситься, – заявила Нина, – весы надо использовать утром после посещения туалета, не выпив ни граммулечки воды. А еще нужно выдохнуть воздух, тогда есть шанс увидеть не катастрофически жуткую цифру. Лучше взвешиваться после душа, когда вся грязь смоется. Но волосы надо высушить, мокрые очень тяжелые!

– Чтобы не разжиреть, ешьте поменьше на ночь, – заявил Юра.

Он положил себе на тарелку здоровенный кусок запеканки, щедро полил его жирной рыночной сметаной и продолжил:

– На мой взгляд, полковник выглядит прекрасно. Тощий слон не кузнечик. Лично мне слон нравится больше насекомого. А то, что Дегтярев сейчас цвета бешеного огнетушителя, так… Ой! Маруся, ты меня по ноге стукнула.

– Прости, милый, нечаянно задела, – сквозь зубы процедила жена.

– Слон дома – беда! – поддержала пустой разговор Нина. – Вот кузнечик полезен, он издает мелодию, от которой убегают мыши.

– Да ну? – поразилась Маша. – Впервые о таком слышу.

– В Интернете можно кузнечковую музыку скачать, – уточнила Пантина, – найду и покажу.

– Отлично, я африканский слон, – рявкнул Дегтярев, – с огромным, как кажется Нине, брюхом. Что еще приятного сообщите?

– Александр Михайлович, я не о вас говорила, когда упомянула про живот, – возразила Нина.

– Чудесная отмаза! – мигом разгневался толстяк. – Я всегда приказываю людям: говорите мне правду! Одну правду и только правду!

Я сразу вспомнила студента Пашу. Ох, не понравится Дегтяреву, если у нас дома такая личность появится.

Александр Михайлович продолжал:

– Я готов обсуждать любые проблемы открыто! Могу критично к себе относиться.

Я уставилась в тарелку. Ну-ну, только скажи полковнику что-то, идущее вразрез с его мнением, жив не будешь.

– Не о вас говорила, – остановила Дегтярева Нина, – а о профессоре! Ваше пузечко, как всегда, бешеным арбузом торчит, пуговичка на пупке расстегнута. А Феликс стройный, как он ухитрился за столь короткое время омячиться?

– О… что? – переспросил Юра.

– Омячиться, – повторила Нина, – стать похожим на мяч. Хотя нет, сейчас уже на воздушный шар. Ой! Феликс стремительно толстеет! Прямо распухает, как тесто!

Я посмотрела на мужа и ахнула.

– Что это?

– Ух ты! – восхитился Юра. – Живот у него больше, чем у Маруси на девятом месяце.

Я вскочила.

– Ты заболел? Тебе плохо? Температура! Скорей несите градусник! Дегтярев, тащи твой аппарат для измерения давления. Быстрее!

Домашние забегали, как тараканы, испуганные внезапно вспыхнувшим на кухне светом.

Я взяла мужа под руку, довела его до дивана и уложила.

– Как твое самочувствие?

– М-м-м, – простонал супруг.

– Инсульт! – заголосила Пантина. – Речь пропала. Бегу вызывать «Скорую».

Маша кинулась к профессору:

– Феликс, улыбнись!

Он скорчил гримасу.

В глазах Манюни метнулось беспокойство, но она включила профессионала.

– Нет ни малейшего повода для волнения!

– Да, да, да, – зачастил за спиной Маруси ее муж, – лечат все, даже то, что у тебя. И мы все-все-все купим!

– Здоровье за деньги не приобретешь, – заявил Дегтярев, подавая мне целых три тонометра.

В глазах Маши засверкали молнии, но Дегтярев их не заметил. Юра же решил приободрить Маневина.

– Глупости! Мы купим для тебя лучшую инвалидную коляску, лифт, который поднимет ее на второй этаж. Мы выучим язык глухонемых, никогда тебя не бросим!

Лицо Феликса стало бледнеть.

– Никакого инсульта нет и в помине, – зачастила я, – по глазам вижу, со здоровьем у него полный порядок. Сейчас давление померяем, и все будет отлично.

Маша навертела на руку Феликса манжету и вскоре молча показала пальцем на аппарат. Двести восемьдесят на двести восемьдесят!

Я чуть не упала. Но Маруся сохранила спокойствие.

– Надо повторить.

Через минуту показания изменились. Триста на двести восемьдесят. У меня подогнулись колени.

– Где ты взял эту фигню? – налетела на Дегтярева Маруся.

– В ванной, – ответил тот.

– Когда в последний раз пользовался прибором? – осведомилась Маша, засовывая в рот Феликсу градусник, который ей подала Нина.

– Лет пять назад, – задумчиво протянул Александр Михайлович, – потом уронил его и больше не брал. Вот еще один аппарат.

– Зачем принес неработающий тонометр? – простонала Манюня, хватая другой черный мешочек. – Нина, посмотрите в аптечке, какие у нас есть лекарства! Только быстро. Сейчас поглядим! О! Муся! Глянь.

Я заставила себя посмотреть на экран: двадцать на десять!

– Что случилось с этим тонометром? – ледяным тоном спросила Маша. – Он тоже рухнул с высоты?

Толстяк начал объяснять:

– После того как тот упал, я купил новый, поставил его в ванной на пол.

– Почему на пол? – удивилась я.

– Чтобы не разбился, – ответил Александр Михайлович, – один уже кокнулся, хватит. И…

Толстяк замолчал.

– Дальше, – потребовала Маша.

– Наступил на него случайно, – признался Дегтярев, – внутри что-то хрустнуло!

– Зачем принес неисправные тонометры? – зашипела Маша.

– Ты попросила! – раздалось в ответ.

Маруся выдернула изо рта Маневина градусник.

– Сорок восемь! Ерунда какая-то. У нас в доме хоть что-нибудь работает?

– Конечно, – отозвалась из холла Нина, – холодильник, кофеварка, котел отопления, слава богу, в порядке.

– Если посадить Феликса на котел и напоить его капучино, лучше ему не станет, – заорал полковник. – В доме бардак! Разруха! Нет хозяйки! Заболеть нельзя! А если свалился, то ничего не пашет! «Скорую» вызвали?

– Нет, – ответила Нина.

– Да почему? – затопал ногами Дегтярев.

– Лекарства ищу!

– Какие?

– Маша сказала: любые.

– И? Они есть?

– Да!

Пантина возникла в столовой с коробкой из-под моих туфель.

– Вот! Сироп от кашля, покупали для Хуча, когда он под дождем промок и простыл. Мазь левомеколь. Она потребовалась Афине, ей дверью хвост прищемили. Йод, зеленка, марганцовка, горчичники, капли в нос. Есть отдельная аптечка Дуняши, но она у ребят в спальне.

– Всем привет! – произнес мужской голос.

Я повернулась к двери, увидела Леню и кинулась ему на шею.

– Любимый!

– Что случилось? – спросил эксперт.

– Феликсу плохо, – зашептала я, – живот огромный.

– Асцит? – предположил патологоанатом.

– Пожалуйста, посмотри на него, – взмолилась я. – Нина, срочно вызовите «Скорую».

– Нет проблем, – сказал Леня, – только в машину за чемоданом сгоняю.

Глава 8

Вымыв тщательно руки, Леня прямо в ванной натянул перчатки, потом посадил на голову обруч, опустил на лицо пластиковый экран…

– Эй! Здесь не вскрытие, – напомнила я.

– Автопилот сработал, – фыркнул эксперт, снял защиту и порысил в столовую.

– Звоню в «Скорую», – крикнула ему в спину Нина, – «ждите ответа» талдычат.

Я решила рассказать другу, что случилось.

– У Феликса давление при последнем измерении было двадцать на десять.

– Он труп, – коротко сказал Леня, усаживаясь около профессора, – или аппарат квакнулся. Второе в нашем случае вероятнее. Феликс вполне симпатично выглядит.

– А живот? – возмутилась я.

– Хм, – протянул Леня. – Что он жрал?

– Ничего, – ответила я, – только собирался ужинать.

– И что приготовили?

– Творожную запеканку с курагой, – отрапортовала Пантина.

– Надеюсь, кусочек для меня остался, – облизнулся эксперт.

– Человек умирает, а ты про еду, – возмутился Юра.

– На погибающего профессор не похож, – констатировал Румянцев, – давайте температуру померяем.

Маша снова засунула в рот Маневина градусник.

– Витамины! – осенило меня.

– Какие? – деловито осведомился Леня.

– Для повышения сопротивляемости организма инфекциям и вирусам, – подсказал Юра, – не хотим Дуняше грипп принести.

– Прививку надо сделать, – посоветовал эксперт. – М-м-м, как запеканочка пахнет.

– Поселок Ложкино! – заорала в трубку Нина.

Леня взял со стола инструкцию к витаминам и начал ее изучать.

– Не Мошкино, Ложкино, – надрывалась Нина, – разуйте уши!

Несмотря на беспокойство, которое камнем лежало на сердце, мне стало смешно. Интересно, как выглядят разутые уши и во что они были обуты?

– Не Кошкино! – вопила Нина. – Ложкино! Чем вы едите? Нет, не Вилкино! Не Ножкино! Пальцево? Вы руками жрете? Во! Верно, машина нужна сюда. Как можно быстрее! Ну народ! Мошкино, Кошкино! Они с трудом поняли, куда надо ехать.

– Руководство читали? – спросил Леня.

– Конечно, – кивнула я, – одну штучку нужно принять вечером. Запить стаканом воды.

Леня потряс перед моим носом книжечкой.

– Не сомневаюсь! Кое-кто просмотрел только первую страницу! На вторую не заглянул.

– Какой смысл тратить время на рекламу? – пожала я плечами.

Леонид сунул мне руководство.

– Огласи вслух! Вот с этой строки.

Я покорно принялась читать:

– «Каждый вечер принимайте по одной штуке до ужина. Стакан воды…»

Я остановилась.

– Дальше, – приказал эксперт.

– Текст на страничке закончился, – объяснила я.

– Ты дошла до слов «стакан воды» и отложила инструкцию? – не отставал Румянцев.

Я молча кивнула.

– Сделай одолжение, – промурлыкал эксперт, – дочитай предложение до конца.

– Если тебе так хочется, возражать не стану, – вздохнула я. – Не понимаю только, чем это поможет Феликсу. «Стакан воды…

Я перевернула страничку.

– …ни в коем случае пить нельзя. После употребления «собачки» категорически запрещается принимать жидкую пищу или воду в течение суток. Чай, сок, кофе, суп тоже вызовут активное разбухание средства. Оно увеличится в объеме, заполнит всю брюшную полость. И чем больше вы выпьете жидкости, тем сильнее будет эффект».

– Ничего себе! – ахнула Маша. – Впервые о таком слышу. Если невозможно пить-есть двадцать четыре часа, то как принять следующую дозу? Мусик! Тебе всучили нечто непотребное.

– Любезные мои, – тоном лектора завел Леонид, – иммунитет человека – тонкий инструмент, далеко не до конца изученный. Нет лекарств, которые могут его повысить, потому что никто пока не знает, как и зачем его поднимать. Единственное, что могу посоветовать: не курить, заниматься физкультурой, не пережирать, обливаться холодной водой, не унывать. А от вирусов купите мазь в нос. Она простая, давно изобретена. А еще лучше прививка от гриппа плюс здоровый образ жизни!

– У Маневина нет инсульта, – заликовала я. – А как ему опять стать стройным?

– Содержимое желудка может эвакуироваться двумя путями, – забубнил Леонид, – или опуститься, или подняться. Используя лексикон вашей Нины, сообщу: выход либо через задние, либо через передние ворота. До нижних все доберется через несколько часов. До верхних намного быстрее.

– Ой, Феликс до сих пор градусник во рту держит, – опомнилась я и поспешила к дивану. – Милый, ты слышал, о чем мы говорили?

Муж покачал головой.

– Подушка, – догадалась я, – ты лежишь неудобно, голова в середину провалилась, а боковые части поднялись и закрыли тебе уши.

– Феликс, садись, – закричал что есть мочи Юра.

Профессор приподнялся.

– Полный порядок, – заорала Маша, – ты здоров. Живот скоро исчезнет.

– Все проходит, – философски заметил Леня.

– Отдай градусник, – велела Маша. – О! Сорок девять и два! Кто ему опять запихнул сломанный термометр?

– Не помню, – соврала я.

– Градусник в порядке, – возразил Леня, рассматривая прибор, – только он для животных.

– Точно, – засмеялась Маша, – вот же я какая, забыла, что сама вчера этот термометр в попу Хучу засовывала. А сегодня не сообразила, что в руках держу. И почему собачий прибор оказался в человеческой аптечке?

– Я нашла его в гостиной утром, – пояснила Нина, – и на место положила.

– Вымыли? – спросила Маша.

– Зачем? – пожала плечами Нина. – Нет, просто сунула в коробку.

– Так он в попе Хуча побывал! – возмутилась Маша. – В нашем доме все всегда вверх дном.

– А не надо собачьи термометры расшвыривать, – вставил словечко Дегтярев.

Маневин подпрыгнул и кинулся в туалет.

– О! – подвел черту беседе Леня. – Опять используя словарный запас Нины, отмечу: верхний выход заработал! Вот и славно, теперь мы можем спокойно побеседовать об агентстве «Нюх». Нам нужен офис!

– «Нюх» теперь «Тюх», – хихикнула Маруся.

– Помещение есть, – тут же перевел беседу на другую тему полковник.

– Правда? Дорогое? – поинтересовался Леня. – Далеко от нас? В каком районе?

– Дармовое, – заявил полковник, – мы ни копейки не заплатим.

– По бартеру, – догадался эксперт, – но тут сразу возникает несколько проблем. Мне нужна лаборатория, вода, газ, ну и так далее. И что от нас потребуют в ответ? Я не верю в человеческую бескорыстность.

Дегтярев нахмурился:

– Кто шеф?

– Вы, – ответил Леня.

– Помещение двухэтажное, – завел полковник, – конечно, лабораторию придется оборудовать, предстоят траты на ее оснащение. Остальные кабинеты готовы. Между прочим, на моем месте теперь сидит Коля Разломов.

– Здорово! – обрадовался Леня.

– Мы с ним уже договорились работать в тандеме, – объяснил полковник. – Коля в нашем агентстве теперь внештатный сотрудник, по-тихому заплатим ему денежки. А у меня останется все, что как у начальника было: доступ в базы, ну и так далее.

– Супер! – восхитился эксперт. – Шеф, вы мозг! А где находится офис? Адрес?

Дегтярев показал рукой на эркер:

– Там!

– Понятно, что не здесь, – улыбнулся Леня, – не в столовой.

– Посмотри в окно, – приказал Александр Михайлович. – Что ты видишь?

– Двор, – заявил Леня, – снег, сугробы. Слева гараж.

– А справа? – проявил нетерпение полковник.

– Деревья!

– За ними что?! – потерял самообладание Дегтярев.

Леня всмотрелся вдаль.

– Плохо видно. Темно. А фонари не горят.

– Гараж ты разглядел, – окончательно разозлился полковник.

– Нет, – признался эксперт, – просто знаю, что он там есть!

– За елями находится гостевой дом, – пришла я на помощь приятелю, – ты туда никогда не заходил. Не знаю, зачем мы его построили, который год он пустует. Если кто приезжает пожить, то всегда селится здесь на первом этаже. Помещение в саду зря пропадает. Когда мы купили участок в Ложкине, я, наивная, поверила дизайнеру, что нам необходимо здание для гостей. Сейчас понимаю: меня просто развели на лишние траты. Ой, лучше не вспоминать про прораба, про обман со счетами. Хотя домик получился милый, расположен вдали от основного здания, к нему можно попасть через отдельную калитку. Тот, кто обоснуется в нем, может жить, не встречаясь с хозяевами. И, что очень удобно, наш участок последний на улице, дальше соседей нет. Зато там есть небольшая площадка, которую можно использовать в качестве парковки.

– Прекрасное место! – воскликнул Дегтярев. – И это наш офис!

Я обомлела, Маша тоже не нашлась что сказать, стало тихо. Из санузла вышел Феликс.

Я встряхнулась и поспешила к мужу.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – сказал Маневин, – прости, дорогая, больше не стану принимать лекарство, которое ты купила. Оно меня чуть не задушило.

– Даша просто не прочитала инструкцию, – сдал меня Леня, – в ней написано: ни в коем случае не пить воду после приема таблетки.

– Да ну? Правда? – удивился супруг. – Милая, ты не изучила как следует руководство?

И тут весьма вовремя зазвонил мой телефон. Бросив скороговоркой:

– Прошу меня извинить, дело очень важное, – я схватила трубку со стола и кинулась в спальню, слушая на ходу юношеский голос.

– Это я, Павел! Вы сегодня приезжали к нам. Прислуга ушла. Один я тут с бабушкой. А ей очень плохо! Прямо совсем! Вызвал «Скорую», а ее нет! Помогите! Пожалуйста!

Потом он закричал:

– Врачи приехали! – и отсоединился.

Я вошла в спальню, решила лечь спать, подошла к кровати и вздрогнула. По подушке растеклось большое пятно крови. Понадобилось время, чтобы понять: это или Мафи, или Афина утащила втихаря со стола кусок пирога с вишневой начинкой и решила с комфортом полакомиться им. Из груди вырвался стон, я отправилась в кладовку за чистым бельем.

Глава 9

Звонок вонзился в голову, как горячий гвоздь в кусок масла. Я села на кровати, не открывая глаз, нашарила на тумбочке трубку и спросила:

– Кто там?

– Помогите, – зарыдали в ответ, – пожалуйста! Мне очень страшно! Боюсь! Они телефоны выключили!

Я разлепила веки и увидела часы – четыре утра.

– Приезжайте ко мне, – плакал кто-то, – приезжайте!

Я потрясла головой.

– Вы кто?

– Павлик!

– Кто? – не сообразила я.

– Паша!!! Внук Зинаиды Львовны!

Я проснулась.

– Доброе утро.

– Помогите!

– Что случилось?

– Зина умерла!

Только неожиданностью звонка можно объяснить мой следующий на редкость глупый вопрос:

– Совсем?

– Да, да, да, совсем, – забился в истерике парень, – я один тут. То есть мы с бабушкой. Но ее нет! Вернее, она есть! Но это не она! Пожалуйста! Сделайте что-нибудь.

– Хорошо, я приеду, – пообещала я.

– Скорей, а то я с ума сойду, мне плохо, – зарыдал парень, – боюсь покойников.

Я хотела сказать, что опасаться надо живых, мертвый ничего плохого тебе не сделает, но вовремя прикусила язык и начала одеваться. Сейчас раннее утро, народ еще не едет на работу, я потрачу на путь минимальное время.

Зевая и поеживаясь, я добежала до гаража, села в машину и быстро добралась до особняка Комаровых. В нем горели все окна, во дворе сияли фонари.

– Родители вернулись? – спросила я у Павла, когда тот открыл дверь.

– Нет, – всхлипнул он. – Почему вы так решили?

– Свет везде горит, – пояснила я, снимая угги.

– При свете не так страшно, – признался Павел.

– Давай сядем где-нибудь и спокойно поговорим, – предложила я.

– В столовой, – сказал студент. – Хотите кофе?

– Не откажусь, – ответила я. – Редко пью его, но сейчас прямо надо капучино.

– Умеете машину включать? – спросила Паша, когда мы вошли в кухню.

– Кофейную? – удивилась я. – Надо на кнопку нажать.

– Сварите нам тогда, – протянул Павел.

Я посмотрела на него.

– А сам почему не хочешь?

– Не умею. Не мужское это дело – готовкой заниматься, для грязной работы прислуга есть. Сделайте кофе, – выпалил Паша.

На пару секунд я замерла, потом подошла к агрегату, точь-в-точь такой стоит и у нас. Павел пребывает в стрессе, не понимает, что нагрубил женщине, которая сорвалась в четыре утра с постели, чтобы ему помочь. Да мне и не трудно ткнуть пальцем в нужную картинку на фасаде прибора.

– Расскажи, что случилось? – попросила я, входя в столовую с чашками в руках.

– Отец офигел, – возмутился Павел, – придрался ко мне безо всякого повода. У него с бизнесом сейчас плохо, вот он и истерит. Визжит, как идиот: «Тратите много денег! Сократите расходы!» Вчера он приперся совсем поздно, чуть меня не убил, с порога завопил: «Я проверил счета! Ты сегодня потратил двадцать тысяч!» Я уточнил: «Рублей. Не евро. Разве это много?» Он вроде успокоился, уже без ора спросил: «Куда деньги дел?»

Павел отхлебнул кофе и поморщился:

– Фу! Дрянь прямо. Надо побольше кофе класть. И не сладкий.

– Сахар нужно самому положить, – пояснила я.

– Вы прямо как отец, – возмутился Павел, – он тоже вечно визжит: сделай сам.

Я молча слушала избалованного мажора. Почему одни дети вырастают умными, трудолюбивыми, любят родителей, всех членов семьи, стараются помочь тем, кому плохо, а другие становятся махровыми эгоистами, считают, что все обязаны поить их шоколадом, да еще жалуются, что приготовили невкусный напиток?

Наличие или отсутствие денег в семье никак не влияет на ситуацию. Я знаю людей, которые родились с золотой ложкой во рту, с пеленок их обслуживали няньки, горничные, в школу возили на машине, исполняли любые их желания, летом отправляли в Италию-Испанию, но они выросли работящими и самостоятельными. Не надо думать, что в обеспеченной семье всегда вырастает такой, как Паша. Но и мысль о том, что бедность кует гения, человека высоких моральных принципов, тоже неверна. До сегодняшнего утра в моем рейтинге людей, с которыми мне не хотелось пить вместе чай, находился Федор Глазов. Федя учился на одни двойки, воровал у детей все, что видел, врал, как дышал, принес массу горя родителям, пил, принимал наркотики, женился столько раз, что я и не помню. В придачу он завел армию детей, с которыми не общается. К сорока двум годам он вдруг бросил нюхать и жевать всякую пакость, в очередной раз завел семью, которая оказалась на удивление крепкой, родил мальчика, неожиданно полюбил малыша и воспитывает его. Мать, которая в свое время заработала из-за похождений сыночка пару инфарктов, и отец-инвалид теперь не могут нарадоваться на Феденьку. Не пьет! Ура! Не хватается за кокаин!!! Ура! Ура! Какой чудесный мальчик! Он занимается своим сыном! Ура! Ура! Ура! Родители помалкивают о том, что Федя нигде не работает, его жена тоже. Содержат сыночка, невестку, внука, покупают продукты, одевают малыша. Феденька клянется предкам в любви и отбирает у них пенсию плюс весь дополнительный заработок. Да, да, пожилая пара не бездельничает. Мать, учительница, бегает день-деньской по частным урокам. Отец – кондитер, печет дома торты на заказ.

А самая уважаемая мной девушка родилась в семье, где, кроме матери, никого не было. Девочка ходила в обносках с чужого плеча, ее за бедность травили одноклассники, они смеялись над рваными туфлями и застиранными платьями. Но девочка не обращала внимания на злость окружающих. Она окончила школу с золотой медалью, ухитрилась без блата поступить в МГУ, заработала там красный диплом. Сейчас Елена – успешный адвокат, она окружила свою маму заботой, закидала шубами, возит ее за границу.

Под стать ей Юрий, сын олигарха, тот в детстве горя не знал, но родительские деньги его не испортили. Юра – компьютерщик, зарабатывает столько, что потратить не может. Не в деньгах дело, не в златом тельце. А в чем? Нет у меня ответа на сей вопрос.

Сегодня Федор свалился с высшей ступени рейтинга людей, которые вызывают у меня брезгливость. Его место занял Паша.

Парень тем временем рассказывал, что стряслось вчера вечером в их доме. Поскольку большая часть его речи была посвящена тому, какой у него злой, жадный отец и глупая, невнимательная к сыну мать, я передам содержание беседы вкратце.

Илья потребовал от сына ответа, куда тот дел двадцать тысяч рублей. Павел удивился: отчитываться за копейки?! Ну поел в ресторане с приятелями, угостил всех. Было бы о чем говорить! Не два десятка тысяч евро спустил! Маленькую сумму в деревянных.

Отец невероятно разозлился и рявкнул:

– Если сам не заработал, не смей даже десять рублей ерундой называть.

Павел обозвал его скрягой, высказал ему все, что думает о родительской жадности, и привел в пример своего одногруппника, которому добрый папенька купил «Бентли», вручил кредитку и только радуется, если сыночек сотую пару ботинок ценой в троллейбус себе покупает.

И тут началось такое! Анастасия, как всегда, не вышла в столовую, чем-то занималась на своей половине, небось тапки стразами оклеивала. Зинаида Львовна попыталась утихомирить сына и внука. Куда там! Илья отвесил Паше затрещину. Тот кинулся на отца с кулаками, повалил его на пол. В драке победил Павел. Илья кое-как встал и направился к двери. Молча.

– Так тебе и надо! – завопил ему в спину сын. – Жлоб! Подавись своими деньгами, не нужны они мне.

Илья остановился, обернулся и сказал матери:

– Вот оно, твое воспитание! Сколько раз ты говорила парню: «Твой отец высшее образование получать не захотел, лень ему учиться, достичь чего-то. На тебя надеюсь, хочу, чтобы все мои подруги и соседи знали: в нашей семье есть приличный умный мальчик, который институт окончил, родню не опозорил». Я знал, что он дерьмом в результате вырастет.

И у бабушки, которая всегда владела собой, снесло крышу. Она налетела на сына, высказала тому в очередной раз, что думает о нем, неудачнике без высшего образования, скупердяе, который затравил родного сынишку.

Илья ушел. Зинаида свалилась на диван. Паша поправил одежду, сел смотреть телевизор, потребовал от горничной подать кофе, итальянское масло, французский сыр. Примерно через час, когда он слопал очередной бутерброд с дорогим санкционным продуктом, в гостиную вернулся Илья и спокойно произнес:

– До меня наконец дошло: ни сын, ни мать своего кормильца-поильца не уважают, любви к нему не испытывают. Но это не мешает им пользоваться моими деньгами. Может, я жлоб, но уж точно не мазохист. Мы с женой сейчас улетаем.

– Куда? – оторопела мать. – Ночь скоро.

– Зачем тебе знать место нашего пребывания? – усмехнулся Илья. – Прощай, дорогая родня. Живите тут как хотите, но без меня. И, соответственно, без моих денег! Все!

Павел и Зинаида обомлели, а Илья ушел. Спустя минуту со двора раздался шум мотора.

Зина всплеснула руками:

– Что теперь с нами будет?

– Ой, да ладно, – засмеялся Павел. – Отец всегда истерит. Жлоб. Все разговоры у него только о бабле. К утру успокоится! Эй, кто-нибудь, тащите чай! Да откройте коробку макарон от Лодере из их фирменного магазина!

Прислуга не отозвалась.

– Ау! – заорал Павел. – Лентяйки!

Нет ответа.

Чертыхаясь во весь голос, парень соизволил сам пойти на кухню.

Глава 10

Там не было ни одного человека. Кухарка непонятно куда подевалась. Паша вернулся в столовую, и тут ему на телефон посыпались эсэмэски. Первая из банка: «Уведомляем вас, что кредитные карты Павла Комарова закрыты и более не обслуживаются». «Митрофанушка» разинул рот, и тут прилетело новое сообщение: «Администрация поселка оповещает о решении законного владельца дома и участка выселить Павла Ильича Комарова по истечении четырнадцати дней после получения данного извещения по месту его регистрации в городе Москва. Если в указанный срок жилплощадь не освободится, будут отключены вода, газ, электричество и последует вызов соответствующих органов для принудительного выселения на основании статьи…

– Это что? – завизжал Паша, не дочитав до конца.

Зинаида Львовна молча смотрела в свой телефон, и тут Павел получил новое послание, на сей раз от отца. «Наглый щенок, который живет на всем готовом, никогда не целовал руку, дающую ему хлеб. Но он посмел поднять руку на того, кто его кормит. Счета закрыты, из поселка тебя выселят. Прислуга уволена. Живи за счет своего труда».

Парень растерялся. Он не ожидал от отца столь резких действий и не знал, что делать.

Пожилая дама схватилась за сердце и рухнула на диван. Внук перепугался, но догадался позвонить в «Скорую». Вызывать пришлось не врачей из дорогой платной клиники, а муниципальную помощь. Но доктора все не ехали, Зинаида начала задыхаться, Паша запаниковал и связался со своими друзьями, стал спрашивать, что делать. Те посоветовали обратиться в коммерческую службу, Паша признался:

– Денег нет, отец заблокировал карты.

Друзья тут же прекратили разговор. Павел набрал номер лучшего друга отца и понял – он заблокирован. Недоросль в испуге стал рыться в своих контактах, потом схватил телефон бабушки и наткнулся на мой номер, который Зина записала при нашем с ней расставании. Павел соединился со мной, и тут прикатил минивэн с красным крестом. Суровый доктор померил Зинаиде Львовне давление, сделал какой-то укол, пробурчал:

– Утром обязательно обратитесь в поликлинику, – и смылся.

Бабушка заснула. Внук ушел в свою комнату, стал играть на айпаде в очередную стратегию, хотел купить монет, привычно ткнул пальцем в нужную строку, ввел пароль и получил ответ: «Карта заблокирована». Паша выругался, хотел выпить в кровати чаю, нажал на звонок. На вызов никто не явился. Привычное комфортное, беззаботное существование развалилось на глазах. Юноше пришлось самому топать на кухню. Путь лежал через гостиную, где на диване спала бабушка. Паша мимоходом взглянул на Зинаиду Львовну и перепугался. Та лежала с открытыми глазами, ртом, не моргала, не отвечала на вопросы, которые принялся задавать ей он. Павел кинулся опять вызывать врачей. На сей раз они прикатили почти сразу, теперь в дом вошли двое молодых мужчин.

Врач сел около Зинаиды, крякнул, потом сказал:

– Валера, смерть до прибытия.

Санитар полез в сумку.

– Она умерла? – попятился Паша.

– Да, – сказал доктор, – не трогайте тело.

– Что мне с ней делать? – затрясся внук.

– Ничего, – пожал плечами врач, – решение примет полиция.

– Полиция! – повторил барчук. – Зачем она?

– В случае смерти до прибытия врачей мы обязаны вызвать полицейских, – пояснил санитар, – таковы правила. Да вы не переживайте, женщина пожилая, наверное, с букетом болезней, гипертония. Похоже, ее инсульт разбил.

– Нет, – возразил Павел, – она была здорова, недавно обследование проходила.

– Тем более, – подчеркнул врач, – подозрительная смерть. Не перемещайте труп. Ждите. К вам приедут.

– Я должен остаться с ней? – попятился Павел. – Нет, нет, увезите ее. Куда-нибудь. Я не могу… мне страшно.

Врач усмехнулся:

– Нас живые ждут.

И медики удалились, оставив на столе какие-то заполненные бланки.

Вот такая история.

– Помогите мне, – канючил Паша, – отец вернется, заплатит вам! Непременно!

Я посмотрела на него.

– Я не работаю в конторе ритуальных услуг. Примчалась, потому что пожалела тебя. Если речь зашла о деньгах, то я лучше отправлюсь домой. Готова помочь, но не ищу заработок.

– Нет, нет, – всхлипнул «Митрофанушка», – не уходите! Умоляю!

Я вынула телефон.

– Продиктуй контакт отца.

Вскоре из трубки донеслось:

– Номер не обслуживается.

Я решила не сдаваться, попыталась соединиться с Анастасией и услышала то же самое.

– Они сменили сим-карты, – разрыдался Павел, – бабку надо хоронить. Денег нет! Я выкинусь из окна.

Парень, рыдая, бросился в коридор. Я пошла за ним.

– Павел, перестань. Мы найдем твоих родителей!

– Как? – взвыл он.

Я снова взялась за мобильный.

– Сеня, доброе утро. Да, слегка рановато. Записывай адрес и приезжай.

Ждать Собачкина пришлось минут двадцать. Все это время Павел провел, лежа на диване, оплакивая отсутствие денег, жалуясь на отвратительного отца, который ему достался. Когда Сеня наконец появился, я безмерно обрадовалась.

– Слава богу, ты пришел! Еле-еле сдержалась, чтобы не стукнуть парня!

– Объясни, что случилось, – попросил приятель.

Пришлось быстро обрисовать ситуацию.

– М-да, – крякнул Собачкин, – посиди-ка тут, я посмотрю на покойную.

– Зачем? – удивилась я. – Врачи вызвали полицию.

Сеня молча ушел, и вскоре из комнаты, где лежало тело, послышался его громкий голос:

– Алло! Олег? Срочно пришли «Скорую» из своего медцентра. Адрес отправлю. Поторопись. Плохая совсем.

Я помчалась в комнату.

– Зинаида жива?

Семен, сидевший рядом с Комаровой, кивнул.

– Да. Но она еле дышит.

– Врачи, – растерялась я, – они же признали ее мертвой.

Собачкин почесал затылок:

– Случается такое. Сто вызовов в день. Устали. Предрассветный час, а в это время особенно спать хочется. Равнодушие. Желание побыстрей уехать. Масса причин для ошибки. Откуда их вызвали?

– Не знаю, – ответила я, подходя к столику. – Павел до меня в «Скорую» звонил. Тут какие-то бумаги. Может, там указано. «Муниципальный центр реабилитации после родов Лукашкина. Деревня Вилкино. Выезд «Скорой» бесплатный».

– Отлично, – хмыкнул Сеня, – мегапрофи прибыли. И название знатное: «Муниципальный центр реабилитации после родов Лукашкина». Значит, Лукашкин произвел на свет дитя, и для скорой поправки роженика, роженицей ведь его не назовешь, возвели сие медучреждение.

Я помчалась к Павлу.

– Кто дал тебе телефон «Скорой», которая констатировала смерть бабушки?

– Рекламу сунули в почту, она на столе лежала, – простонал парень.

– Почему ты не обратился к тем, кто первый раз приехал, укол бабушке сделал? – налетела я на внучка.

Тот, наконец, сел.

– Муниципалы! Приперлись через год после звонка! То ли лука, то ли чеснока нажрались! Воняли. В помощи отказали.

– То есть? – спросил успевший тоже войти в комнату Сеня. – Сейчас государственная «Скорая» работает очень хорошо.

– Ты мне сообщил, что Зинаиде сделали инъекцию, – напомнила я.

– Всего-то! Один дерьмовый укол, – заканючил Паша. – Меня… послали. Я попросил таблетку от депрессии. Не дали, ответили: «Лучший способ с депрессухой справиться – работать побольше!» Гады! Чтобы я еще раз к ним обратился! Да никогда. Нашел рекламу и позвонил.

– Отличный тебе совет умные врачи, не те, что Лукашкина реабилитируют, дали, – сказал Сеня, – надо им воспользоваться. Вопросов больше не имею. Ждем машину, поместим Зинаиду в хорошее место.

– Денег нет, – завыл Павел и вновь упал лицом в подушку.

– Разве я сказал о деньгах? – удивился Собачкин. – По ОМС ее уложим. Бесплатно.

– За бесплатно в России даже дерьма не дадут! – отрезал Паша. – В нашей стране все, что без денег, – то говно! Не в Европе живем! На помойке цивилизации.

– Эге, – бормотнул Сеня, – кстати, в большинстве стран Европы муниципальная «Скорая» на дом не выезжает. Нет у больного денег? Топай с аппендицитом сам в госпиталь.

Глава 11

Когда Зинаиду Львовну увезли врачи, мы с Сеней тоже направились к двери.

– Куда вы? – запаниковал Павел.

– Домой, – пояснил Сеня, – поспать уже не получится, займусь работой. Дел по горло. Дашенция, нам надо офис оборудовать.

Я тяжело вздохнула, не стоит говорить Сене все, что я думаю о замечательной идее Дегтярева устроить в Ложкине офис для сыскного агентства. Конечно, это удобно, не надо кататься в Москву и сидеть там в ожидании клиентов.
И экономически выгодно, денег за аренду не заплатим. Но два плюса забиваются большим количеством минусов. В поселке пропускная система, просто так мимо вывески со словом «Тюх» не проедешь. А многие люди принимают спонтанные решения: увидел название и его осенило: «О, надо проверить, не изменяет ли мне жена!» На городском транспорте до нас не добраться, у заказчика непременно должна быть машина. В гостевом доме есть телефон, но номер тот же, что и в нашем коттедже. Если начнут звонить клиенты, то Пантина будет поднимать трубку в основном доме, а Дегтярев тоже ее схватит. Толстяк мигом начнет злиться и ворчать. На участке появятся посторонние, что мне совсем не нравится. Понятия не имею, кто и зачем обратится к частным детективам. А мы привыкли к ощущению безопасности. Коляска с Дунечкой спокойно стоит во дворе, пока девочка спит. И есть у нас собака Мафи, шкодница-негодница, она готова в любой момент удрать со двора и носиться, задрав хвост, по поселку. Поймать ее – проблема. Надо как-то убедить Дегтярева найти место в городе. Вернее, нужно уговорить его согласиться на тот вариант, который нарою я.

– Стойте! – закричал Паша. – Я еду с вами.

Я притормозила и оглянулась:

– Извини, я не в город.

– Я не собирался в Москву, – сказал отпрыск Ильи.

– Направляюсь в Ложкино, – продолжала я, – если нам по пути, то я тебя подвезу.

– Конечно, по пути, – обрадовался Павел. – Можете полчасика подождать? Надо кое-что сложить!

– Хотите уехать жить в другое место? – уточнил Собачкин.

– А вам в кайф оставаться там, где жрать нечего? – скорчил гримасу недоросль и ушел.

Сеня почесал макушку:

– Дашута, я поехал смотреть офис. Жду тебя.

Я села в холле в кресло.

– Найди Илью и Анастасию.

– Ладно, – пообещал приятель, – небось они воспользовались самолетом. Все пассажиры регистрируются, найду, куда они улетели, скорей всего, рванули за границу. Просмотрю там дорогие отели, сомнительно, что супруги поселились в хостеле. Ну я пошел.

Я зевнула, начала засыпать, и тут меня весьма грубо потрясли. Глаза открылись, у кресла стоял Павел.

– Поехали скорей, тут очень плохо, – пожаловался он, – я есть хочу!

Я посмотрела на три громадных чемодана, которые возвышались около парня.

– Это твои?

– А чьи еще? – скривился Павел. – Вот любят женщины задавать глупые вопросы.

Я решила не реагировать на грубые слова:

– У меня небольшой багажник.

Павел захихикал:

– У вас нет багажника, но он есть в вашей машине.

Замечание справедливое, но мне стало неприятно.

– Есть заднее сиденье, – продолжал Павел, – неохота в эту жуть возвращаться. Я взял вещи самой первой необходимости.

Я еще раз окинула взглядом три огромных чемодана. Однако у юноши немало «первого необходимого».

Удивительно, но его багаж влез в мою «букашку», я села за руль.

– Где тебя высадить?

Павел молча показал рукой на дорогу. Я поехала по направлению к Ложкину. Сначала подумала, что друзья, которые собрались приютить недоросля, живут в поселках Вилкино или Тарелкино. У жителей поселений своеобразное чувство юмора. Кстати, рядом есть еще Чашкино и Ножкино. Но младший Комаров не проронил ни слова, когда я ехала мимо поселков. Мне пришло в голову, что надо высадить его в деревне Опушкино, но и ее мы миновали молча и в конце концов очутились у шлагбаума Ложкина.

– Тебе сюда? – не выдержала я.

– А вам куда? – поинтересовался юноша.

– Я живу здесь.

– Ну так и мне туда же, – высказался Паша.

И лишь тогда меня осенило.

– Объясни, к кому ты едешь?

– К вам! – буркнул студент.

Я опешила, а парень продолжал:

– У меня нет денег. Не могу же я остаться в доме, где нет прислуги. А у вас точно есть гостевое помещение.

Верно! Только оно сейчас превращается в офис агентства «Тюх».

– Что смотрите на меня? – заныл Паша. – Вы хоть понимаете, какой стресс я пережил? Ужас! Нервная система в клочья! Как жить одному? Без денег? А? Не желаете меня пригласить? Мне что, убираться вон? Да? Идти назад?
С чемоданами? Да? Хотите, чтобы я умер? Давайте, пинайте меня под зад коленом! Вот вы какая! С виду ласковая, а на самом деле злая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/godovoy-abonement-na-tot-svet

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить